

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЕЛЕНЫ ТРОЯНСКОЙ

Джон Эрскин

Джон Эрскин

Частная жизнь

Елены Троянской

<https://litres.ru/74543043>

SelfPub; 2026

Аннотация

Знаменитый роман американского писателя Джона Эрскина по-новому взглядывает на известный античный миф, убирая привычный пафос эпических битв и божественных вмешательств. История начинается там, где обычно заканчиваются классические сказания — сразу после падения Трои. Елена возвращается в спартанский дом своего законного мужа Менелая, пытаясь зановостроиться в размеренный быт, семейные обязанности и строгие рамки общественного мнения. Несмотря на божественную красоту и скандальную славу, Елена предстаёт на удивление здравомыслящей, ироничной и современной женщиной. Вместо того чтобы каяться в прошлых грехах, она открыто рассуждает о природе брака, лицемерии морали, женской свободе и вечных конфликтах поколений. Эрскин мастерски оживляет древних героев, превращая их в живых людей с узнаваемыми проблемами, тонким юмором и острыми, мудрыми диалогами. Эта изящная сатира позволяет по-новому взглянуть на вечные вопросы взаимоотношений мужчин и женщин.

Джон Эрскин

Частная жизнь

Елены Троянской

Предисловие переводчика

Когда в 1925 году в США вышел в свет роман Джона Эрскина «Частная жизнь Елены Троянской», американское литературное сообщество пережило легкий шок. До Эрскина античные мифы принято было пересказывать с тяжеловесным пафосом, высекая из мрамора хрестоматийные статуи. Эрскин же поступил дерзко и современно: он взял величайшую легенду человечества и... спустил ее героев со страниц учебников на залитые солнцем греческие террасы, превратив в обычных людей, озабоченных семейными кризисами, ипотекой чести и тем, что о них скажут соседи.

Парадокс этой книги заключается в ее удивительной вневременности. Написанная в эпоху бурных двадцатых годов с их пересмотром викторианской морали, она звучит невероятно свежо и сегодня. Перед нами не сказка о роковой страсти, а тонкая, едкая и глубокая психологическая сатира о браке, лицемерии и природе свободы. Елена здесь — не безвольная кукла в руках богов и не демоническая соблазни-

тельница, а зрелая, ироничная женщина, которая вернулась в Спарту и с пугающей откровенностью берется за ревизию устоев патриархального мира. Менелай мечтает лишь о тишине и рыбалке, дочь Гермiona отчаянно цепляется за напускное приличие, а сама Елена с улыбкой разрушает вековые мифы.

Для русскоязычного читателя этот шедевр интеллектуальной прозы до сих пор остается неизведанной территорией. Предлагаемый перевод ставит своей целью сохранить то фирменное изящество, легкую иронию и блестящий стилистический баланс, которые сделали Джона Эрскина классиком американской сатиры. Добро пожаловать в Спарту — место, где великие герои учатся жить обычной человеческой жизнью.

Владимир Давыдов

Главные герои

1. Елена (Helen) — центральный персонаж

Кто она: Прекраснейшая из женщин, из-за которой пала Троя. Однако в романе она предстает вовсе не роковой демонической соблазнительницей и не безвольной жертвой богов, а удивительно зрелой, мудрой, ироничной и практичной женщиной.

Характер и роль в сюжете: После возвращения в Спарту Елена пытается наладить обычную семейную жизнь. Она обладает поразительной откровенностью и трезвым взглядом на вещи: открыто рассуждает о природе брака, лицемерии общества и несовершенстве мужей. Она совершенно не чувствует вины за развязанную войну, с легкостью разрушает устоявшиеся патриархальные предрассудки и становится неофициальным центром притяжения (и головной бо-

лью) для всего спартанского высшего общества.

2. Менелай (Menelaus) — спартанский царь, муж Елены

Кто он: Законный супруг Елены, триумфатор, вернувшийся из-под Трои с победой.

Характер и роль в сюжете: В исполнении Эрскина Менелай — это добродушный, простоватый и несколько утомительный консерватор. Он до ужаса ценит рутину, покой, охоту и особенно рыбалку. Ему претит светская суэта, которую обожает устраивать Елена. По возвращении жены он сначала думает, как положено по чести, заколоть ее мечом, но быстро понимает, что делить с ней быт, слушать ее едкие замечания и снова ввязываться в драмы — гораздо сложнее, чем воевать с троянцами. Втайне он мечтает лишь о том, чтобы сбежать на рыбалку.

3. Гермiona (Hermione) — дочь Елены и Менелая

Кто она: Дочь главных героев, воспитанная в строгих традициях спартанской морали.

Характер и роль в сюжете: Полная противоположность своей матери. Гермiona — яростная поборница приличий, «правильного» поведения и светских условностей. Она ужасно стыдится скандального прошлого матери и ее «неприличной» честности. Конфликт поколений между свободомыслящей Еленой и заикленной на конформизме Гермियोной — один из главных двигателей юмора и сюжета в книге.

4. Этеонеус (Eteoneus) — верный советник и друг Менелая

Кто он: Приближенный спартанского царя.

Характер и роль в сюжете: Голос здравого смысла и традиционного уклада с точки зрения спартанского истеблишмента. Он помогает Менелая справляться с государственными делами и разделяет его любовь к тихой, размеренной жизни без женских интриг.

5. Парис (Paris) — троянский царевич (в воспоминаниях и прологе)

Хотя физически Парис погибает при падении Трои, его тень витает над всей книгой. Елена вспоминает его не как похитителя-злодея, а как утонченного эстета и приятного компаньона, с которым ей просто было о чем поговорить (в отличие от прямолинейного Менелая).

В чем прелесть этой расстановки сил?

Эрскин выворачивает наизнанку классический эпос: герои Троянской войны заняты не подвигами, а тем, как выплатить долги, унять строптивую молодежь, сохранить фасад приличий в глазах соседей и пережить семейный кризис. Именно этот бытовой контраст и остроумные диалоги сделали книгу абсолютным хитом в Америке 1920-х годов.

Примечание. После Трои Елена вновь заняла своё место в домашнем кругу. Как станет видно, если не считать её божественной красоты и совершенной откровенности, она была женщиной, вполне приверженной условностям.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕЛЕНЫ

I

Суть этой истории в том, что Парис присудил награду Афродите не потому, что она его подкупила, а потому, что была прекрасна. В конце концов, это был спор о красоте, хотя Афина и Гера завели разговор о мудрости и власти. Именно они и пытались его подкупить. У них были свои достоинства

и свои доводы, но Афродита была самой красотой.

Её замечание, что когда-нибудь он женится на Елене, заинтересовало его как опыт божественного предсказания. Это могло случиться, а могло и не случиться. Весьма вероятно, богиня имела в виду не то, что он подумал; мудрый человек, даже веря оракулу, всё же предпочёл бы подождать и посмотреть.

А пока ему было любопытно, как выглядит Елена. Ему стоило попутешествовать. Почему бы не побывать в Спарте — чем она хуже других мест? Кассандра отговаривала его, но она всегда его отговаривала. Энона предостерегала его, но она была его женой.

Когда он пришёл в дом Менелая, привратник впустил его, и, поскольку он был чужестранцем, никто не стал спрашивать ни его имени, ни цели прихода, прежде чем его накормили и дали отдохнуть. Менелай отложил намеченную поездку и свято исполнил обряд гостеприимства. Но, узнав, кто его гость, предложил Парису чувствовать себя как дома и, вежливо извинившись, отправился на Крит, как и собирался.

Итак, намерения у всех были добрые. Но Парис увидел Елену — лицом к лицу.

II

Когда война под Троей окончилась падением города, Менелай отправился искать Елену с мечом в руке. Он ещё не решил, пронзить ли клинком её соблазнительную грудь или

перерезать лебединую шею. Он довольно давно её не видел. Она ждала, словно они заранее условились о часе. Простым движением она обнажила грудь, подставляя сердце под его месть, и посмотрела на него. Он посмотрел на неё. Меч стал его стеснять.

— Елена, — сказал он, — нам пора домой.

Впрочем, эту историю рассказывают и иначе. Говорят, Менелай был не один, когда нашёл Елену во внутреннем покое; с ним были Агамемнон и другие — свидетели последнего акта правосудия, венчавшего долгую войну. Те, кто ещё ни разу не видел Елены, теснились у входа, желая в первый и последний раз взглянуть на красоту, за которую сражались. Увидев стоявшую перед ним Елену, Менелай остро ощутил присутствие своих спутников. Гнев и силы покидали его, но эти сочувствующие друзья были тут как тут — посмотреть, как муж исполнит свой долг. Он поднял меч — медленно, но всё же недостаточно медленно. Тут раздался голос Агамемнона.

— Пора бы твоему гневу утихнуть, Менелай; жена снова с тобой — зачем её убивать? Город Приама взят, Парис мёртв, ты отомщён. Убив Елену, ты собьёшь с толку тех, кто спросит, из-за чего началась война. Спарта ни в чём не виновата; вся вина на Парисе: он пришёл гостем и нарушил законы гостеприимства.

Менелай понял, почему его брата называли царём мужей. Но позднее в тот же вечер от него слышали, что он убил бы

Елену, если бы не вмешался Агамемнон.

На ночь ему предстояло отвести её к кораблям вместе с другими пленниками, но он никак не мог решить, в каком порядке им идти. Разумеется, не рядом. Может быть, ему впереди? От этой мысли он отказался ещё до выхода на улицу. Получалось, что в их шествии главное — он, а это было неуместно. Он послал Елену вперёд: пусть без всякой защиты принимает любые оскорбления, какие любопытствующее войско пожелает ей бросить. Но воины смотрели молча — или почти молча. Его они не замечали. Он услышал, как один сказал, что она похожа на Афродиту, застигнутую нагой в объятиях Ареса, когда Гефест, её смехотворный муж, набросил на любовников сеть и созвал остальных богов полюбоваться её позором. Другой сказал, что вполне разделяет чувства богов, которые тогда выразили готовность в любую минуту поменяться с Аресом местами — вместе с сетью.

III

В ту ночь, когда Трою разграбили, некоторые мужи, имевшие меньше оснований для насилия, чем Менелай, проявили и меньше сдержанности. Аякс нашёл Кассандру в храме Афины, где она была жрицей, — девушку достаточно прелестную, чтобы возбудить желание Аполлона, но не наделённую той красотой, которая защитила Елену. Там, можно сказать на глазах у самой богини, он изнасиловал её и отправился по другим делам бушевавшего разгрома. Впоследствии,

когда гнев Афины стал вполне очевиден, он признал, что причинил зло женщине, но утверждал, что храма не осквернял: ведь Одиссей уже похитил священное изваяние, а потому помещение, если и оставалось святилищем, было святилищем покинутым. Однако такое различие едва ли могло прийти божеству по душе, и Агамемнон тотчас объявил, что флот отложит отплытие на родину, пока не будут принесены долгие и обильные жертвы и совершены надлежащие обряды самоиспытания и покаяния, — иначе богиня, пожалуй, смоем их грехи холодной водой. Агамемнон принимал это дело близко к сердцу с той самой минуты, как поделили добычу. Кассандра досталась ему.

Весь день он стоял подле жреца, пока на алтарях поддерживали пламя, окружённый почтительным войском, а рядом с ним стоял Менелай — теперь, когда Ахилла не стало, этим двум царям не было равных. В сумерках жертвам дали догореть до тлеющих углей, воины развели костры для ужина, и жрец сказал, что до сих пор знамения благоприятны.

— Жертвоприношения начались удачно, — сказал Агамемнон.

— Для меня, — сказал Менелай, — они окончены. В Трою нас привели не собственные грехи, а, как ты сам сказал вчера вечером, чужие. Какие бы ошибки мы ни совершили с тех пор, как сюда прибыли, поводов пожалеть о каждой хватало уже тогда. Если что-нибудь и было упущено по гордости или неведению, сегодняшней день жертвоприношений

должен был искупить это с избытком. Завтра я отплываю в Спарту.

— Когда я думаю об отплытии, — сказал Агамемнон, — я вспоминаю Авлиду. Выход из той гавани стоил жизни моей дочери, принесённой в жертву, чтобы умиловать богов. Тогда ты не возражал против чрезмерных жертв. Всё это было ради тебя, брат. Свою ссору с Ахиллом я давно искупил, ибо был неправ. Но поскольку и в других случаях я мог ошибаться, считая себя правым, теперь мне надлежит умиловать Зевса и Афины даже за те обиды, о которых я не подозреваю, прежде чем моё войско встретится с ветром, волнами и всем, что лежит между нами и нашими домами.

— На самом деле ты боишься своей жены, — сказал Менелай.

— Твоя жена с тобой, — сказал Агамемнон, — а дочь в безопасности в Спарте и, несомненно, заботится о твоих делах. Мы все о них заботились. Теперь я должен позаботиться о своих людях. На самом деле я боюсь мести Афины каждому из них, тебе и мне, последнему гребцу на кораблях — за похищение её изваяния и насилие над её жрицей.

— Изваяние похитил Одиссей, — сказал Менелай, — но лишь потому, что, пока оно оставалось в городе, город нельзя было взять. За это и за некоторые другие меры, в которых он оказался полезен, ему, пожалуй, следует принести немало жертв. А то, что случилось с Кассандрой, я считаю справедливым, хотя и несколько грубым возмездием. Парис был её

братом. Вина Аякса — в поспешности. При разделе добычи она могла достаться ему, и тогда он отвёз бы её домой и обращался с ней по своему усмотрению, не опасаясь ни осуждения богов, ни людского гнева, — ведь дома его не ждёт жена.

— Моя жена, — сказал Агамемнон, — пока ещё не опозорила семью. Кое в чём она отличается от своей сестры. Сколько мужчин завладело Еленой — или оказалось в её власти? Тесей — ещё до тебя, затем, разумеется, ты, Парис, Деифоб... А разве между ней и Ахиллом ничего не было? Гектор ею восхищался или только она о нём думала? Каждый из нас, брат, вырабатывает себе особую философию, чтобы жить в мире с собственным прошлым. Тебе, я вижу, не с руки осуждать поступок Аякса. Береги свою философию: она тебе понадобится.

— Как я уже сказал, — произнёс Менелай, — завтра я отплываю домой. Жаль, что мы расстаёмся в ссоре. Если бы моё пребывание здесь могло принести тебе пользу, я остался бы из благодарности. Но воля богов, по-моему, и есть здравый смысл — по крайней мере в своей основе; и если бы твоя прихоть затянуть жертвоприношения действительно имела отношение к вере, я возразил бы, что боги, позволившие нам сжечь Трою, едва ли намеревались поселить нас здесь.

— Ты идёшь навстречу своей судьбе, — сказал Агамемнон. — Больше я тебя не увижу.

— Предпочитаю считать это ещё одной твоей ошибкой,

— сказал Менелай, — которая, надеюсь, не потребует обрядового покаяния.

Елена сидела в шатре неподвижно, при мерцающем светильнике. Перед её лицом поднимались благовонное пламя и дым треножника, напоминая ему о богинях и алтарных огнях. Почему она здесь? Неужели просидела тут весь день? Во время жертвоприношений он представлял её униженной среди прочих пленниц, наконец ощутившей суровость возмездия. Могла бы и встать, когда он вошёл.

— Завтра мы отплываем в Спарту.

— Так скоро?

— Слишком скоро? Ты предпочитаешь Трою?

— Теперь уже нет, — сказала Елена, — и ты помнишь, я никогда не была особенно привязана к местам. Но подготовить столько кораблей и людей за один день! Когда вы отправлялись сюда, сборы заняли больше времени, хотя, мне казалось бы, причин спешить было больше. Ведь нужны жертвоприношения, надо подумать о богах, о широком тёмном море, умиловить тени стольких умерших, прежде чем мы уедем.

— Мёртвые покоятся с миром, боги довольны, — сказал Менелай. — Мы посвятили жертвоприношениям весь день. Море по-прежнему широко и темно. Агамемнон продолжит приносить жертвы по этому поводу и по некоторым другим, в которых молитва ничего не изменит. Мы поспорили об этом и расстались. Он с войском останется ещё на некоторое

время, а я завтра иду домой со своими людьми и пленниками.

С ней — вот что он хотел сказать. Но не знал как. Не «с женой и пленниками». А сказать «с тобой и остальными пленниками» у него не хватало духу.

— Менелай, — сказала она, — разумеется, я поеду с тобой, как бы неразумно ты ни затеял это путешествие. Но ты неправ, а твой брат прав. Тем, кто сознаёт свою вину, нужно время для сожаления и раскаяния; а тем из нас, кто никакой вины за собой не чувствует, особенно следует приносить жертвы во искупление своей гордыни. Ты сохранил свой прежний здравый смысл, Менелай, — ум, годный для ближайших нужд, — но тебе всё ещё недостаёт широты взгляда. Будь твой взгляд шире, ты больше считался бы с обычаями.

— Если я правильно тебя понял, — сказал Менелай, — ты советуешь мне не отступать от установленных правил поведения?

— Именно это я и советую, — сказала Елена.

— Я переутомился и отказываюсь что-либо понимать, — сказал Менелай. — Ты вернёшься... туда, откуда пришла, или мне оставить этот шатёр тебе? Мы выступаем рано утром.

IV

Ветер был встречный, и люди сидели на вёслах. Менелай устроился возле кормчего, а Елена — впереди него, подста-

вив лицо ветру. Гребцы поглядывали на неё без гнева на ту, что обрекла их на войну и труды: сначала с любопытством, потом с пониманием и благоговением, словно само её присутствие сулило кораблю благодать. Менелай следил, как меняются их взгляды, и спрашивал себя, зачем он ходил в Трою, — и вспоминал зачем.

Впервые за несколько часов Елена пошевелилась и взглянула ему в глаза. Гребцы тоже подняли на него глаза; грести они забыли.

— Менелай, — сказала она, — тебе следовало принести жертвы. Что-то очень странное происходит с этим кораблём.

— Напротив, — ответил он, — корабль, пожалуй, единственное, к чему здесь нельзя придраться. Ветер неблагоприятный, но люди гребут хорошо, если ты их не отвлекаешь.

— Сейчас в Трое или где-нибудь на побережье, — сказала она, — Агамемнон возносит молитвы, которые, полагаю, будут услышаны; он, несомненно, доберётся домой. Наши собственные виды кажутся мне неопределёнными. Ты знаешь моё правило: я не люблю приключений, если не знаю, куда направляюсь.

— Мы направляемся в Спарту, — сказал он.

— Боюсь, что нет, — сказала Елена.

— Мы будем держаться курса, — сказал её муж, — и, если в этом многострадальном мире звёзды ещё не сошли со своих мест, через неделю прибудем в Спарту. Отличный срок, как ты думаешь? — спросил он кормчего.

— Дорога в Трою заняла у нас больше времени, — сказал кормчий.

— Когда я ехала в Трою, — сказала Елена, — мы добрались всего за три дня, но то было исключительное путешествие.

После этого гребцы налегли на вёсла, а кормчий стал свертывать с солнцем и звёздами. Поначалу Елена время от времени посматривала на Менелая — вполне безмятежно, но так, словно могла бы кое-что сказать, если бы это имело смысл. Много дней спустя она уже только сидела неподвижно, глядя далеко вперёд, на море, а гребцы не сводили с неё терпеливых глаз, словно и она, и они оставались верны чему-то, чего Менелая было не понять. Он коротал время, чувствуя себя одиноким и гадая, хватит ли воды и съестных припасов.

— А, вот наконец и Спарта, — сказал он.

— Сомневаюсь, — сказала Елена.

В самом деле, это был Египет. Елена сошла на берег по узким сходням, которые держали для неё моряки, словно в Египте и полагалось высаживаться. Ветер совсем стих. Усталые люди поставили царский шатёр, устроили себе укрытия и легли спать. Менелай не помнил, чтобы отдавал приказ о высадке, но не был в этом уверен и спрашивать не хотел.

— Эта прославленная страна интереснее, чем я думала, — сказала Елена несколько недель спустя. — Во время послеобеденных прогулок я познакомилась с несколькими

местными жителями, и, кажется, обычный уровень культуры здесь несколько выше лучших наших образцов в Спарте, ты не находишь?

— Елена, ты выводешь меня из себя, — сказал Менелай. — Я здесь не для того, чтобы осматривать страну и сравнивать цивилизации.

— Разумеется, как и я, — сказала Елена, — и, когда ты будешь готов отплыть, тебе достаточно мне сказать. А пока Полидамна, жена того состоятельного человека, который продал тебе припасы для нашего следующего плавания, учит меня разбираться в травах и снадобьях. Полезное знание в любом доме, а здесь им, кажется, владеют все. Если в ближайшие дни ты не принесёшь жертвы, я успею многому у неё научиться.

— Больше я никаких жертв приносить не стану, — сказал Менелай. — Ветер поднимется сам.

— Тогда до отъезда я научусь всему, — сказала Елена. Недели через две она увидела, как он выходит из дома Фониса, мужа Полидамны, с маленьким ягнёнком под плащом. Пока он созывал людей в укромное место и приносил животное в жертву, она деликатно оставалась в шатре. Там Менелай её и нашёл.

— Будь готова завтра отплыть, — сказал он, — на случай, если поднимется ветер.

Она была готова, и ветер поднялся, но оказался лишь слабым ветерком, юным и недолговечным. Когда они достигли

острова Фарос, он совсем угас.

— Что ж, — сказал Менелай, — здесь хорошая гавань и источник пресной воды. Зайдём, наполним бочки и подождём, пока ветер посвежеет.

Елена сошла на берег по узким сходням, которые держали для неё моряки, словно на Фаросе и полагалось высаживаться. Через двадцать дней еда кончилась, и люди ползали по каменистому берегу, пытаясь поймать рыбу на короткую бечёвку с голыми крючками. Все эти дни Елена, спокойная и приветливая, гуляла, выбирая среди камней самые ровные тропинки, или сидела у края невысокого утёса и смотрела на пурпурные воды, чаек и далёкий горизонт. Менелай избегал своих людей и бродил в одиночестве на другом конце острова. Но когда он наконец подошёл к Елене на утёсе, она, насколько он мог судить, ничуть не удивилась.

— Я подумываю вернуться в Египет, — начал он. — Этим людям нужна еда получше той, какую можно раздобыть здесь, а до Канопы мы дошли бы на вёслах за день.

— Если ты спрашиваешь моего совета, — сказала Елена, — мне остаётся лишь положиться на твою рассудительность. Как ты и говоришь, нам, кажется, нужна еда.

— Порой, Елена, ты меня раздражаешь, — сказал Менелай. — Любому дураку ясно, что надо возвращаться в Египет. Я не спрашивал твоего совета. По правде говоря, мне давно следовало туда вернуться.

Он был готов объяснить ей, почему не вернулся раньше,

но она досадным образом ни о чём не спросила. Он обернулся и увидел троих своих людей, бледных и голодных, а с ними кормчего; судя по всему, они ждали случая сказать что-то неприятное.

— Менелай, — начал кормчий, — мы так долго следовали за тобой, что ты должен знать нашу верность. Но теперь мы пришли спросить, не лишился ли ты рассудка. Тебе нравится страдать самому или смотреть, как страдаем мы? Ты держишь нас на этом острове голодать, когда в Египте есть еда и до него один день на вёслах, были бы силы. Ещё несколько часов здесь — и мы ослабеем настолько, что не сможем спустить корабль на воду. Ты говоришь: ждём ветра. Но даже если он сейчас поднимется, еды до Спарты не хватит; на ходу рыбу не половишь.

— Я прощаю твою невоспитанность ввиду твоего голода, — сказал Менелай, — но, как обычно бывает в подобных случаях, твой совет запоздал и потому излишен. Я уже решил вернуться в Египет за припасами, и мы отправляемся немедленно. Приготовьте корабль... Я недостаточно ясно выразился? Спускайте корабль на воду... А, ты хочешь сказать что-то ещё?

— Да, Менелай, — ответил кормчий. — Когда мы доберёмся до Египта, мы принесём богам надлежащие жертвы, чтобы благополучно вернуться домой. Мы принесли бы их ещё в Трое, вместе с товарищами, но ты приказал нам отплыть. Теперь, когда мы разделили с тобой твою кару, в этом

деле мы больше не станем слушаться тебя — только богов. Ясно, что никому из нас не суждено вновь увидеть близких, если мы не принесём гекатомбы бессмертным, хранящим небо и морские пути. Несомненно, мы давно бы погибли, если бы с нами не было нашей госпожи, твоей жены, — вот она сидит, — которая смягчает гнев богов: в наших глазах она и сама бессмертная, чтущая тех, кто свыше дарует жизнь или отказывает в ней, и усердная в служении им.

— Пожалуй, сейчас было бы уместно принести ещё жертвы, — сказал Менелай. — Об этом я тоже думал, но здесь нет ничего сколько-нибудь ценного, что можно было бы принести в жертву. В Египте, как ты и предлагаешь, мы раздобудем богатые приношения, и я уже решил сделать это при первой возможности. Теперь можете спускать корабль на воду — если, конечно, больше ничего нет?

Они поспешили вниз, к товарищам, а Менелай повернулся к Елене.

— Надеюсь, ты не заставишь нас ждать. Этот разговор несколько задержал исполнение моих планов.

Фонис дал им припасы на корабль и скот для жертвоприношения, а также чаши тёмного вина. На глазах у всех Менелай провёл безжалостным ножом по горлам жертв, взмахивая им с некоторым раздражением, и животные, задыхаясь, упали наземь. Затем он перелил вино из чаш в кубки, совершил возлияние и резким голосом вознёс молитву богам.

— О Зевс, славнейший, величайший! О Афина, мудрая

и грозная! О все вы, бессмертные! Ныне явите открыто ваши деяния, да узрят люди справедливость. Покарайте виновных и вознаградите добрых. Кто из нас согрешил против вас, пусть умрёт с голоду на морских скалах или утонет в водах. Но тех, кто с чистым сердцем исполнял вашу волю, — нас приведите скорее к родным!

И ветер доставил их всех в Спарту целыми и невредимыми.

V

— Менелай, — сказал Этеонеус, старый привратник, — с самого твоего возвращения я надеюсь, что ты уделишь мне несколько минут. Ты долго отсутствовал и, полагаю, захочешь узнать, как обстояли дела в доме.

— Надеюсь, ничего не случилось? — спросил Менелай.

— Здесь был Орест.

— А... сын моего брата, — сказал Менелай.

— Да, — сказал Этеонеус, — и, позволю себе добавить, сын сестры твоей жены.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Менелай.

— Хочу сказать, — ответил Этеонеус, — что я сомневался, следует ли его впускать.

— По-моему, — сказал Менелай, — ты допускаешь какие-то непочтительные намёки насчёт родни моей жены.

— По правде сказать, — ответил Этеонеус, — до твоего возвращения я и не подозревал, что ты всё ещё причисляешь

жену к своей родне.

— Ты забываешься, — сказал Менелай.

— Нет, Менелай, — сказал Этеонеус, — предмет щекотливый, но нам придётся о нём поговорить. Во всяком случае, мне придётся: я отчасти за это отвечаю. Когда пришёл Парис, я его впустил. Что случилось потом, мы все знаем — по крайней мере, сами события, но кое-кто из нас затрудняется их истолковать. Ты, разумеется, принял Париса, не спрашивая, зачем он явился, а он похитил твою жену. Естественно, ты отправился мстить, и могу сказать, что никто из нас, оставшихся дома, не рассчитывал вновь увидеть Елену — во всяком случае, вновь пользующуюся твоим уважением. Если бы ты объяснил нам новое положение вещей, хотя бы намекнул, как нам следует к ней относиться, это избавило бы твоих слуг от нынешнего затруднения.

— Ты собирался говорить об Оресте, — сказал Менелай.

— Именно, — ответил Этеонеус. — Уезжая, ты велел мне особенно бдительно присматривать за домом, поскольку самых сильных своих людей ты взял с собой, а здесь оставалась твоя дочь Гермiona и в кладовых ещё хранилось немало сокровищ. И тут появился Орест. Возможно, мне следовало пригласить его, как любого другого чужестранца, и лишь потом выяснять, зачем он пришёл, но в твоё отсутствие я не мог так рисковать. Я не впускал его, пока он не назвал себя. Он, возможно, пожалуется тебе на это.

— Если я чего и не люблю, — сказал Менелай, — так это

семейных ссор. Надеюсь, до перебранки не дошло?

— Боюсь, дошло, — сказал Этеонеус. — Он спросил, что стало с этим домом, если его покинула всякая добродетель, даже самая простая. Насколько помню, он предположил, что от зловония наших нравов богов должно тошнить. Он высказал ещё кое-какие соображения, которых я повторять не стану; в общих чертах он заметил, что, начав со сравнительно простительного проступка — такого, как неверность твоей жены, — мы сразу опустились до того, что перестали соблюдать гостеприимство. Я заверил его, что для нас, как и для прочих просвещённых людей, нет ничего священнее прав гостя, однако с недавних пор нас стали интересовать также права хозяина; и поскольку однажды в этом доме ими уже пренебрегли, красивые молодые люди, не называющие своего имени, вызывают у нас некоторое беспокойство. Нам кажется, что в нынешние времена нашу особую осторожность не следует истолковывать превратно.

— Не вижу в твоих словах ничего оскорбительного, — сказал Менелай.

— Ну, — ответил привратник, — я сказал не только это. Когда он упомянул твою жену, я счёл, что верность дому обязывает меня ответить. Я осведомился о здоровье его матери.

— Так иногда поступают, — сказал Менелай, — даже воспитанные люди.

— То есть, — сказал привратник, — я спросил, не деликатнее ли покинуть кров мужа, прежде чем ему изменить,

чем изменять у его собственного очага, пользуясь его отсутствием. Орест понял намёк — потому и рассердился.

— Если Орест тебя понял, — сказал Менелай, — он оказался понятливее меня.

— Полагаю, ты ещё не слышал, — сказал Этеонеус, — но вся Спарта знает об этом скандале. Твоя свояченица Клитемнестра — вдвойне твоя родственница, можно сказать, сестра твоей жены и жена твоего брата — живёт с Эгисфом с тех пор, как Агамемнон ушёл под Трою. Ему едва ли стоит возвращаться.

— Вот! Никогда она мне не нравилась! — воскликнул Менелай. — Я потрясён, но не удивлён, разве только выбором мужчины. Эгисф пожалеет о своей дерзости. Мой брат вернётся. Его, возможно, не ждут, но тем вернее он вернётся. За последнее время он приобрёл немалый опыт в обращении с теми, кто похищает чужих жён.

— Спарту занимает другое, — сказал привратник: — достаточно ли у него опыта в обращении с Клитемнестрой. Она женщина грозная даже тогда, когда ни в чём не виновата, а нынешнего своего образа жизни вовсе не скрывает. Она считает себя вправе так поступать из-за чего-то, что сделал Агамемнон. Разумеется, она не больше твоего сомневается, что он вернётся. Полагают, встречу она ему приготовила.

— Это ужасно! — простонал Менелай. — Впрочем, всё это может оказаться сплетнями. Женщины такой красоты, как эти сёстры, расплачиваются за свой дар злобными толка-

ми завистников. Право, Этеонеус, я не удивляюсь, что Орест рассердился.

— Я тоже не удивляюсь, — сказал Этеонеус, — но, сердясь или нет, он ничего не отрицал. Да и как бы он мог? Слухи о красивых женщинах часто бывают злобными или завистливыми, как ты и говоришь, но преувеличенными — редко.

— Это отступление, которого мы можем не обсуждать, — сказал Менелай. — Итак, Орест ушёл домой? Откровенно говоря, Этеонеус, мне хотелось бы послушать, как он сам расскажет эту историю.

— Это нетрудно устроить, — сказал привратник, — он бывает здесь регулярно и, если не изменит своей привычке, через день-другой появится.

— Я думал, ты его не впустил?

— Не впустил, но больше он разрешения и не спрашивал — просто входил. Должен добавить, что приходил он всегда к Гермione и она как-то это устраивала; как именно, я так и не узнал. Она любит меня немногим больше, чем он.

— Я не могу поверить ни во что предосудительное о своей дочери, — сказал Менелай, — и ты допустил серьёзную ошибку, заведя об этом речь. Мне уже хочется усомниться в твоих суждениях и обо всём остальном. Конечно, я долго отсутствовал, и теперь она совсем взрослая, но, по-моему, в существе своём её характер не изменился. Я всегда считал её самым приличием.

— И я тоже, и я тоже, — сказал Этеонеус, — да и Орест в том, что касается условностей, довольно строг. Я замечал, так часто бывает: дети становятся поборниками безупречного поведения. Особенно если не слишком хороши собой.

— Говорят, моя дочь похожа на меня, — сказал Менелай, — и, думаю, мы с ней понимаем друг друга. Но если ты согласен, что их встречи были вполне благопристойны, о чём же ты, собственно, толкуешь? Почему ты сразу его не впустил? Их предназначали друг другу ещё до того, как наша семейная жизнь расстроилась; теперь, когда мы вернулись, полагаю, они скоро поженятся, если захотят.

— Менелай, — сказал Этеонеус, — это трудно объяснить человеку, который не занимался моим ремеслом. Я привратник семейного дома, и чувство ответственности заставляет меня внимательно следить за тем, что я в него впускаю. Когда я открыл ворота Парису, у меня было предчувствие, что входит любовь, а чутьё подсказывало, что великая страсть нарушит покой твоего дома. Ты опасности не почувствовал. Теперь Орест — в этом я совершенно уверен — приносит с собой новые идеи. Если бы ты представлял, что значит впустить в дом новые идеи, ты был бы настороже.

— Этеонеус, — сказал Менелай, — с тех пор как я покинул дом, мне довелось выслушать немало речей, и, хотя я не знаток в таких делах, я научился улавливать возможные намёки в сказанном. Многое из того, что ты говоришь, кажется мне оскорблением, облечённым в дипломатическую форму.

— Возможно, я зашёл дальше, чем намеревался, — сказал привратник, — но мне хотелось привлечь твоё внимание к затруднению, разрешить которое можешь только ты. Мы все тебе преданы, но не знаем, как нам быть. Прежде считалось, что жена, бросившая мужа и детей, покрыла себя позором и по возможности должна быть наказана. Ты сам так думал, когда отплывал к Трое. Все эти годы мы здесь, дома, готовились по мере сил облегчать твоё одинокое горе, если ты когда-нибудь вернёшься к своему...

— Ты уже не говорил чего-то подобного? — спросил Менелай. — Ты повторяешься и уходишь от дела. Я думал, ты хочешь рассказать, что происходило в доме после моего отъезда.

— Именно это я и делаю, Менелай, — сказал старый привратник, — а если подхожу издалека, то лишь из деликатности. Я пытаюсь почтительно и безобидно сказать, что в твоём доме появились опасные новые идеи, и хочу понять: ты знаешь о них и не одобряешь их или сам их разделяешь? Очень боюсь, что разделяешь; а если так, мне, пожалуй, придётся уйти от тебя, несмотря на мои годы, потому что меняться я уже слишком стар. А подозреваю я, что ты усвоил кое-какие из этих новых идей, вот почему... Когда показался корабль, мы узнали, что одиноким ты не будешь: с тобой возвращалась Елена. Это была новая мысль, Менелай. Но мы к ней привыкли и стали готовиться к тому, чтобы почтительно обращаться с раскаявшейся пленницей, привезённой домой с

позором. Однако она, кажется, никакого позора не сознаёт и ни в чём не раскаивается. Она ведёт себя — да и ты, собственно, тоже — вовсе не так, словно она...

— Послушай, Этеонеус, — сказал Менелай, — я выслушал от тебя всё, что намерен выслушать. Ты притворяешься, будто озабочен домашними делами, потом притворяешься, будто знаешь что-то порочащее Ореста, хотя в итоге это больше порочит тебя, а на самом деле тебе хочется обсуждать репутацию моей жены. Теперь я дома и сам буду им распоряжаться. Ступай и присматривай за воротами... Постой! Если тебя опять обуяет безумное желание говорить о Елене, делай это там, откуда до меня не долетит ни слова. Ты удивляешься, почему я её не убил. Так вот: она была слишком красива. Ты на неё несколько не похож. Берегись!

— Хвала богам, Менелай! — сказал привратник. — Теперь ты говоришь совсем как прежде! Могу я продолжить то, что собирался сказать?

— Заканчивай с Орестом и уходи, — сказал Менелай.

— Придётся немного вернуться назад, чтобы подхватить нить, — сказал Этеонеус. — Ах да. Мы, конечно, поговорили об этом с людьми с корабля, но они отвечали нам так, словно мы помешались: даже им, пережившим Трою и все её бедствия, Елена кажется достойной безоговорочного восхищения. Мы стараемся понять что-нибудь по твоему поведению, но, хотя временами ты, если я вправе судить, несколько смущён и хотя теперь, когда я осмелился поднять этот

вопрос, ты раздражаешься, ты, по-видимому, тоже признаёшь за Еленой непререкаемый авторитет и считаешь её душой своего дома. Вот тут мы и подходим к Оресту. Прежде я полагал, что Гермiona смотрит на вещи по-старому. Она, на мой взгляд, вызывала жалость, распространяя рассказы о своей отсутствующей матери, — рассказы, поверив которым, мы сочли бы Елену совершенно невинной, скорее жертвой, чем... ну, на этом остановимся. Я восхищался преданностью дочери, хотя та и принимала причудливые формы, и, разумеется, был уверен, что сама она своим рассказам не верит. Но теперь Орест внушил ей идеи, которые некогда встревожили бы тебя. Однажды я поговорил с ней о нём: рассказал, что говорят о Клитемнестре и Эгисфе, и предостерёг, чтобы она не порочила себя связью с этой ветвью семьи. Представь себе, она стала защищать Клитемнестру. Думаю, эти доводы она переняла у Ореста. Да, сказала она, её тётка поступает дурно, но и Агамемнон поступил дурно: попросил прислать к нему младшую дочь, будто бы сговорившись о её браке с Ахиллом, а когда обрадованная мать собрала девушку и благополучно отправила в Авлиду, убил её, принеся в жертву ветрам, чтобы флот мог выйти в море. Какой верности, спросила Гермiona, могла после этого быть обязана Клитемнестра Агамемнону? И я не нашёл нужного ответа. Я, правда, сказал, что поведение Клитемнестры не освящено религией, а жертвоприношения — освящены. Она надо мной рассмеялась. Вот тебе и всё, Менелай! По-моему, это опасно. Если

бы ты не изменился, ты поблагодарил бы меня за предупреждение.

— Теперь, когда ты наконец добрался до сути, — сказал Менелай, — я готов признать, что действительно изменился. Я больше не боюсь новых идей, как боялся прежде и как ты боишься до сих пор. Мы долго отсутствовали, видели много стран и разных людей, и наши взгляды не могли не стать шире. До отъезда меня, например, не интересовал Египет, а ведь это замечательная страна, и тамошние жители знают гораздо больше нашего. И потом, не забывай: мы прошли через войну. Ничто уже не может остаться совсем прежним. Когда долго испытываешь непривычные чувства, обнаруживаешь, что твои взгляды изменились, и не обязательно к худшему. У тех, кто уходит на войну, по-видимому, появляется больше новых идей, чем у тех, кто остаётся дома. Не скажу, что мне нравятся эти идеи Ореста, но они меня не пугают. Если бы перед моим уходом в Трою ты сказал, что Ахилл отдаст тело Гектора родным для погребения и на двенадцать дней прекратит войну, чтобы не помешать похоронам, я бы тебе не поверил. А он именно так и поступил. Когда Елена ушла с Парисом, я отправился следом, чтобы убить их обоих. И вот теперь она снова дома, со мной. Ты никак не можешь с этим примириться. За двадцать лет это единственная новая мысль, которая у тебя появилась: удивление, что моя жена дома, а не в могиле. Я и сам несколько удивлён, но не так, как ты. Объяснить этого я не могу — могу лишь согласиться

с тобой, что наши взгляды меняются.

— Сходство между телом Гектора и твоей женой от меня ускользает, — сказал привратник, — но, насколько я понимаю, Менелай, ты считаешь, что война принесла немало пользы — не троянцам, надо полагать, не Гектору, не Патроклу и не Ахиллу, а тебе. Логически из твоих слов, по-моему, следует, что жена оказала тебе услугу, сбежав с другим мужчиной.

— Не знаю, нуждались ли когда-нибудь мои ворота в присмотре так сильно, как сейчас, — сказал Менелай. — Ты, случайно, не удостоил мою жену одной из своих бесед перед самым её отъездом в Трою? Я часто думал, что заставило её уехать: одного Париса для этого всё-таки было недостаточно.

VI

— Как мило с твоей стороны, Елена, так скоро нанести ответный визит, — сказала Харита. — Я была огорчена, что не застала тебя дома. Как только услышала о твоём неожиданном возвращении, сразу отправилась к вам. Подруга юности не могла сделать меньше. Мне столько хочется узнать. На другой стороне сада тень — пойдём туда.

— Ты переделала сад, Харита, я бы его не узнала, — сказала Елена. — Он и прежде был хорош, но с тех пор, как я видела его в последний раз, стал ещё лучше.

— Время творит чудеса, — сказала Харита. — Елена, твоя служанка может подождать снаружи с зонтиком — он тебе

не понадобится.

— Пусть останется со мной, — сказала Елена. — Мы с Адрастой хорошо ладим. Подойди, Адраста, я хочу показать тебя своей подруге — подруге моей юности.

— О, Елена, какая красавица! Удивительная ты женщина — держать в доме такую красивую девушку.

— Я ничего не имею против красоты, — сказала Елена. — Почему бы мне не держать при себе Адрасту?

— Ну, возможно, твой муж невосприимчив к таким вещам, а сына, о котором пришлось бы тревожиться, у тебя нет. Мой мальчик, Дамастор... Ты его помнишь? Ах, конечно, нет: он должен был вот-вот родиться, когда ты уехала в Египет. Дамастор красив как Аполлон и любит всё прекрасное. Это ужасно. Я старалась хорошо его воспитать. Боюсь, он художник: у моего отца был троюродный брат с такими склонностями. Я старалась чем-нибудь занять его ум, а возможностей в Спарте немного. Есть, конечно, Гермiona, и я была бы очень рада, если бы она ему понравилась. Я увлекла его садоводством — почти всё здесь его работа. Но не думаю, что это надолго его удержит.

— Ты боишься, — сказала Елена, — что, увидев красивую девушку, он в неё влюбится?

— Ну, ты понимаешь, что я имею в виду, — сказала Харита.

— Нет, не понимаю, — сказала Елена.

— Я хочу, чтобы он оправдал своё воспитание и влюбил-

ся в подходящее время в подходящую девушку, — сказала Харита. — Мы с тобой знаем, что красота часто вовлекает неопытных в нежелательные связи.

— Она часто приводит к любви, насколько я знаю, — сказала Елена, — а перед великой красотой все мужчины, кажется, неопытны. Вероятно, её слишком мало, чтобы к ней привыкнуть. Ты хочешь, чтобы твой сын соблюдал приличия — влюбился в некрасивую? Или во всём следовал условностям — женился на той, которую вовсе не любит?

— Какой циничной ты стала после... Я хочу сказать, до отъезда ты так не говорила.

— До моего отъезда, — сказала Елена, — мы этого предмета не касались, поскольку твой сын ещё не родился, но, полагаю, я и тогда сказала бы то же самое. Надеюсь, что сказала бы. Это не цинизм — просто честность. Ты не хуже меня знаешь, что вполне прилично вступить в брак с человеком, которого уважаешь, но не любишь. Общество никогда тебя за это не отвергнет. И ты знаешь, что, когда действительно отдаёшь сердце своему супругу или супруге, пусть даже они некрасивы, это уже относится к области романтического. Это больше чем прилично — это достойно восхищения. Насколько я понимаю, о чём-то подобном ты и мечтаешь для своего сына.

— Это не совсем передаёт мою мысль, — сказала Харита.

— Да, мою тоже не совсем, — сказала Елена. — Надо бы добавить, что обе эти формулы — любовь без красоты и брак

без любви, — хотя и согласуются с приличиями и обычаями, ещё и очень опасны. Как ни редка красота, не всегда удаётся избежать встречи с ней, а увидев её, нельзя не полюбить.

— Не знаю, так ли уж нельзя, — сказала Харита. — У некоторых из нас есть прежние обязательства.

— Если ты ещё не отдал себя красоте, — сказала Елена, — никаких прежних обязательств нет.

— Значит, ты не стала бы мешать юноше влюбиться в первую попавшуюся красивую девушку?

— Я постаралась бы помешать ему влюбиться в любую другую, — сказала Елена, — а когда появится красивая, его долг — полюбить её. Вероятно, он и так это сделает, успеет ли связать себя обязательствами с приличной и некрасивой или нет, а мне хотелось бы, чтобы он оставался свободным и искренним. Своим подходом, Харита, ты заставишь сына стыдиться любви к красоте, и он станет добиваться её каким-нибудь вероломным и трусливым способом. Твоё стремление сделать его благопристойным может помешать ему стать нравственным.

— С Гермионой ты тоже так разговариваешь? — спросила Харита.

— У меня почти не было случая поговорить с ней о чём бы то ни было, — сказала Елена, — но ей я сказала бы то же самое. Надеюсь, она полюбит самого замечательного из знакомых ей мужчин, и мне хотелось бы, чтобы она влюбилась с первого взгляда; впрочем, она, вероятно, всё равно полюбит,

как распорядится судьба, и вмешиваться бесполезно. Советам следуют те, чьё сердце свободно.

— Ты не возражаешь, если Адраста подождёт в другом конце сада? — спросила Харита. — Я хотела бы кое о чём шепнуть тебе.

— Адраста подождёт в конце сада, — сказала Елена. — Но теперь, когда она ушла, должна сказать, Харита: я не вижу смысла шептаться. Если о чём-то нельзя говорить, давай и не будем.

— Елена, тебе-то, возможно, хорошо быть откровенной, но другим ты можешь повредить. Не следует говорить такие вещи при девушке — да ещё в связи с моим сыном. Ты наведёшь её на мысли.

— Милая Харита, какие наши мысли могут быть новостью для молодых, которые слушают природу? Я упомянула твоего сына лишь потому, что ты сама о нём заговорила, и пожелала ему счастливой судьбы. А вот ты, по-моему, представила его в дурном свете: выразила недоверие к нему, причём при девушке. По твоему описанию она в него не влюбилась. Право, тебе стоит в ближайшее время прислать его к нам — пусть докажет, что он больше мужчина, чем ты пыталась из него сделать. Мне любопытно на него взглянуть.

— За последнее время он несколько раз бывал у вас, у Гермионы, — сказала Харита. — Я не могла сказать этого при твоей служанке, но была бы вполне довольна, если бы он полюбил Гермиону. Против неё никто не посмеет слова

сказать.

— При известных обстоятельствах, вероятно, посмеет, — сказала Елена, — если только человеческая природа не приходит в упадок. Но я согласна: она этого не заслуживает. А сама она случайно не интересуется Дамастором? Её отец всегда хотел выдать её за двоюродного брата, Ореста.

— Об Оресте она со мной никогда не говорила, — сказала Харита, — впрочем, и о моём сыне тоже. Она не стала бы говорить о нём с его матерью. В последнее время она довольно часто бывала здесь. Если подумать, говорила она главным образом о...

— Продолжай, — сказала Елена. — О чём?

— Да о тебе. Она всё объяснила, и, должна сказать, у меня словно камень с души свалился.

— Ты, очевидно, полагаешь, что я тебя понимаю, — сказала Елена, — но я совершенно сбита с толку. Что она объяснила? Что тебя тревожило?

— Ах, Елена, я вовсе не собиралась поднимать этот вопрос — во всяком случае, так скоро. Но раз уж начала, можно и продолжить. Она объяснила, что произошло между тобой и Парисом, и я была так благодарна, узнав, что ты ни в чём не виновата.

— Не виновата в чём? Мы говорим о преступлениях? Какая приятная мысль! Возможно, когда я вернусь домой, Гермiona объяснит это и своей матери.

— Ну, пусть не о преступлениях, если тебе угодно, — ска-

зала Харита, — но я поняла — мы все так поняли, — что ты бежала с Парисом в Трою, что он был твоим любовником, а ты... ты его любила. Признаюсь, Елена, я этому поверила; твой муж впал в то же естественное заблуждение. И поскольку Парис был царевичем, мы считали его действительно благородным человеком. Но как только Гермiona объяснила, какая у него низкая натура, и рассказала о чудесном спасении, которое послали тебе небеса, я сразу поняла, что ты с начала до конца была невольной жертвой. Мы все так рады, что Менелай тоже сумел это понять и простить тебя.

— Менелай! — сказала Елена. — Ну, вернёмся к Парису. Почему Гермiona считает, что у него была низкая натура?

— Он украл мебель, — сказала Харита.

— Что? — воскликнула Елена.

— Так я узнала от Гермiony, — сказала Харита. — И тебя он заставил ехать с ним. Гермiona выразилась очень деликатно, как и подобает молодой девушке, но у меня сложилось впечатление, что ты сопротивлялась ему всю дорогу до Египта, где тебя и спасли. Право, Елена, это, должно быть, было захватывающее приключение.

— Харита, — сказала Елена, — меня чрезвычайно интересует, как моя дочь рассказывает мою историю. Когда она всё это тебе сообщила?

— Большею частью до твоего возвращения, кое-что после. На днях она заглянула сказать, что с твоим приездом ей удалось подтвердить некоторые подробности насчёт Египта.

— Какие подробности? — спросила Елена. — Ты упомянула Египет, когда я сегодня пришла, и я не поняла, что ты имеешь в виду.

— Ах, Гермiona назвала мне человека и его жену, у которых ты жила, — Фон... Фонис? Так? И... ах да, Полидамна.

— Значит, я жила в Египте у Фониса и Полидамны? — сказала Елена.

— Разве нет? — спросила Харита. — Гермiona говорит, что жила.

— Лучше расскажи мне всё, что она сказала, — ответила Елена, — а потом я исправлю ошибки.

— Глупо как-то рассказывать это тебе, Елена; лучше бы ты сама рассказала мне, что произошло. Но, понимаешь, мы думали, что ты просто сбежала с Парисом, пока Гермiona не объяснила, что он увёз тебя против воли, похитил у Менелая кое-какие ценные вещи и вообще показал своё истинное лицо. Потом ветер отнёс вас в Египет вместо Трои — уверена, это боги тебя оберегали, — и там ты попросила помощи. Фонис убил бы Париса, если бы тот не был в некотором смысле гостем, имевшим право на защиту. Но он заставил его отправиться в Трою одного, а ты и украденные вещи остались у Фониса и Полидамны, пока твой муж не приехал за тобой и не привёз тебя домой. Всё ведь так?

— По мнению Гермiony, — спросила Елена, — войны с Троей не было?

— Что ты, нет... то есть да, — сказала Харита. — Война,

по её словам, была прискорбной, но естественной ошибкой. Твой муж с друзьями прибыл в Трою и потребовал вернуть тебя, а троянцы сказали, что тебя там нет. Разумеется, наши им не поверили. Троянцы сказали, что ты ждёшь в Египте, пока Менелай за тобой заедет. Это прозвучало ужасно насмешливо, тем более что возвращения Париса они не отрицали. Так что оставалось только воевать. Конечно, если бы ты находилась там, как говорит Гермiona, троянцы охотно бы тебя отдали.

— Она так и говорит? — спросила Елена.

— Да, чтобы спасти город; это же понятно. Но раз на них напали, им оставалось только защищаться, а когда город пал и правда открылась, было уже поздно. Столько времени потеряно! И Менелая в конце концов ничего другого не оставалось, как отправиться в Египет и привезти тебя домой. Если я знаю твоего мужа, Елена, он был раздражён.

— Был, — сказала Елена. — Плавание из Египта оказалось далеко не приятным. Что ещё сказала Гермiona?

— Кажется, это всё...

— Харита, ты рассказывала эти истории кому-нибудь из наших друзей?

— Всем, кому могла, Елена. Я знала, как они обрадуются, узнав, что твоё доброе имя восстановлено: мы очень тебя любим.

— Вижу, некоторое время я буду занята, — сказала Елена, — придётся опровергать весь этот вздор. Пожалуй, нач-

ну сейчас же с тебя, Харита. Неужели ты действительно поверила Гермione?

— Конечно! Всё было вполне правдоподобно, и ради тебя мне хотелось поверить. Плохая бы я была подруга, если бы не постаралась.

— Ты сочла правдоподобным, — сказала Елена, — что Гермiona знает обстоятельства моего ухода, хотя тогда была ещё ребёнком? Ради меня ты хотела поверить, что я двадцать лет просидела в Египте, потому что не могла вернуться домой без сопровождения Менелая? Так позволь исправить твоё заблуждение. В Египет ветром отнесло нас с Менелаем на обратном пути. У Фониса и Полидамны я никогда не жила, хотя именно они продавали нам продовольствие и припасы. Мы с Парисом добрались до Трои самым прямым путём; во всяком случае, путешествие мне понравилось и долгим не показалось. Я нежно его любила. Он ни за что не увёз бы меня, если бы я сама не захотела уехать. И мебели он не крал. Насколько я понимаю, кое-что действительно пропало в суматохе, но эти вещи должны быть где-то здесь, в Спарте: Парис ничего не увёз в Трою, а Фонис уж точно ничего не возвращал Менелаю, когда мы ехали домой.

— О Елена, не говори мне этого: я так надеялась на лучшее! — сказала Харита. — Смотрю на тебя и не могу поверить. У тебя такой... ты не обидишься на это слово?... такой невинный вид! И ты сама опровергаешь историю, которая делает тебе честь, и настаиваешь, что ты... что ты именно

такая, какой мы сочли тебя сначала! Совершенно тебя не понимаю. И теперь не понимаю, зачем ты вернулась домой с Менелаем.

— Или зачем он вернулся со мной, — сказала Елена. — Вот что странно. Все родственники и друзья озадачены. Я не собираюсь предлагать объяснения его поведению. Но он хотел, чтобы я вернулась; он намеревался меня убить, а потом передумал. Если хочешь глубже разобраться в его побуждениях, Харита, спроси его сама, когда он к вам зайдёт. А за себя я могу объясниться сразу. Спасибо, милая Харита, что сказала, будто у меня невинный вид. Я и есть невинна. То есть во всём, кроме любви. Судя по тому, что ты сегодня говорила, любовь ты, возможно, считаешь преступлением. Давай сойдёмся на том, что это великое несчастье — несчастье, которого не пожелал бы избежать. У нас есть все основания откровенно говорить о своих несчастьях, да и о проступках тоже, а уж тем более о страданиях, которые наши проступки и несчастья причиняют другим. Если бы я позволила тебе верить в эту жалкую историю с Египтом, я уклонилась бы от вины за все беды Трои. Я была там и была причиной всего; отрицать это значило бы отрицать себя — существовать только во лжи.

— Ради всего святого, Елена, — сказала Харита, — я сойду с ума от твоих рассуждений. Ты хочешь, чтобы весь свет знал, что беды Трои произошли из-за тебя, и хочешь, чтобы мы считали тебя столь же невинной, какой ты выглядишь.

Что же ты понимаешь под невинностью?

— Харита, меня нелегко рассердить, — сказала Елена, — но сейчас мне хочется выяснить, что ты понимаешь под благопристойностью. Мы сидим в твоём саду среди бела дня; твои слуги, а возможно, и соседи видят, какое сомнительное общество ты принимаешь. Мне уйти сейчас или после того, как ты дослушаешь мою историю?

— Не обижайся, Елена, рассказывай до конца. Конечно, я хочу услышать. Надеюсь что-нибудь понять.

— Со мной тебе это не удастся, — сказала Елена. — Мы с тобой пережили слишком разное, и мысли у нас, вероятно, тоже будут разными. Но вот как я объясняю свою невинность. Я привыкла, что мужчины влюбляются в меня, но никогда этого не хотела и ни с одним мужчиной в жизни не кокетничала. Я просто существовала — этого было достаточно. И сама я никогда не желала любить. Выйти замуж — да; я была рада выйти за Менелая, но отчасти разделяла твоё благоразумное убеждение, что брак легче устроить и прожить в нём жизнь, чем любить. В Париса я влюбилась против воли. Это просто случилось со мной, и я не считаю себя за это ответственной. Но я могла быть искренней — по крайней мере, это зависело от моего выбора, даже если всем остальным распоряжалась судьба. Раз уж любовь со мной случилась, я прошла с ней до конца. Харита, искренность была единственной добродетелью, которую я спасла из этого безумия, и немного разума у меня тоже осталось: ума понять,

что конец будет плохим, хватило. Я бросала своего ребёнка; что станет с её характером, если она вырастет одна, да ещё с таким примером перед глазами? Я была уверена, что, когда мы прибудем в Трою, троянцы отрекутся от нас с Парисом, иначе начнётся война. Но оказалось, что ничего подобного они не сделали. Они приняли меня радушно. Когда война стала складываться для них неудачно, они не раз говорили, что ради одного моего присутствия стоило всё это перенести. Харита, женщина, которая совершает дурной поступок, чувствуя, что не может поступить иначе, но при этом ожидает расплаты и готова понести наказание, словно вся вина лежит только на ней, — такая женщина, по-моему, в нравственном отношении стоит гораздо выше большинства. Думаю, по твоим меркам — и уж наверняка по моим — троянцы утратили представление о нравственных последствиях своих поступков. История Гермियोны спасла бы их репутацию, но со мной она несправедлива. Я горжусь своей готовностью расплатиться за то, что другие пострадали от моего несчастья. Без этой нравственной ясности у меня не было бы душевного покоя. И я думаю, что Менелай, подобно троянцам, обнаружил путаницу в нравственных понятиях. С самого начала осады я считала, что наши победят и Менелай убьёт меня. Вместо этого он, как видишь, привёз меня домой. Можно сказать, даже боги не исполнили своего долга, не уничтожив меня; но, возможно, теперь мне предстоят изощрённые мучения из-за дочери, которой я пренебрегла и

которая выросла с благопристойным и лживым воображением. Будь я здесь, я научила бы её любить правду.

— Что ж, если дело обстоит так, Елена, — сказала Харита, — я понимаю Менелая не больше, чем тебя. Я готова была поклясться, что он обезумеет от жажды мести. Он всегда был таким преданным мужем.

— Был, — сказала Елена. — Он пришёл за мной с ножом, или мечом, или чем-то таким. Я едва заметила: мне было всё равно. Я этого ожидала и не пыталась спастись. Я даже облегчила ему дело — отвела одежду от сердца, вот так.

— А, и тут он решил тебя не убивать? Бедный человек!.. Елена, ты невозможна!

— Почему невозможна, Харита? По-моему, я проста и невинна, — сказала Елена. — И, смею утверждать, гораздо нравственнее мира, в котором я старалась жить добродетельно. Если бы ты пережила то же, что я, и так же привыкла к странным оборотам жизни, ты сказала бы одно из двух: либо наши представления о справедливости не имеют никакого основания в действительности, либо наши несчастья — дело высших сил, которые используют нас для собственных целей. Любовь, например. Лучше воздеть к ней руки. Она не только прекрасна, но и страшна. Она не то, чем ты её считаешь, Харита, — не просто слово для обозначения нашего чувства.

— Я не вникала в этот предмет так глубоко, как ты, — сказала Харита. — Несомненно, вы с Парисом не раз всё это

обсуждали. О Парисе ты почти ничего не сказала.

— Я его любила, — сказала Елена, — и он умер. Что ты хочешь, чтобы я о нём сказала?

— Ты ведь не против, что я спрашиваю? — сказала Харита. — Мне любопытно, какое место он занимает в твоей философии. Ты любила его настолько, что сбежала с ним, но теперь, когда он умер, ты, кажется, довольно спокойна. Елена, это придаёт тебе вид бессердечной женщины; тебе следовало бы хотя бы казаться печальной.

— Если я скажу правду, ты меня не поймёшь, — сказала Елена, — но правда в том, что любила я не Париса; я любила нечто, о чём он заставлял меня думать. Поначалу мне казалось, что я люблю его, — потом я любила и всегда буду любить то, что принимала за Париса. Сначала я его любила, потом жалела.

— Вот что мне не нравится в романтической любви, — сказала Харита, — последующее разочарование.

— А, ты о нём слышала? — спросила Елена.

— Да, — сказала Харита, — и в твоём случае разочарование должно было заставить тебя почувствовать, что ошибка была необычайно тяжёлой. Вот почему, Елена, твоя философия невинности мне мало что объясняет.

— Если это заблуждение было тяжёлой ошибкой, Харита, тогда большинство браков — роковая ошибка. Постарайся понять, почему мне было жаль Париса: я чувствовала, что и он погибает в безумии, погибает не ради меня, а ради че-

го-то, о чём я заставляла его мечтать, чего он никогда не найдёт, — погибает, как погибала я. Но так бывает и в браке, если начинать с любви. Не один хороший муж — погибший человек. А если уж на то пошло, Харита, что сказать о жёнах? Не моя ли очередь спросить, как твоё сердце перенесло эти годы?

— Не думаю, что я могла бы говорить о столь сокровенном, Елена, даже с тобой. К тому же мне нечего рассказывать. Мы с мужем были совершенно верны друг другу.

— Но могли бы и не быть, — сказала Елена, — окажись в доме красивая служанка. А что до тебя самой, Харита, ты хочешь сказать, что всё ещё переживаешь расцвет любовных иллюзий, или считаешь себя добродетельной потому, что тебе всегда удавалось любить других мужчин ещё немного меньше, чем собственного мужа?

— Не говори так, Елена, это больно. Признаюсь, я старомодна. Мне нравятся прежние отношения между мужчинами и женщинами.

— Адрасте тоже, — сказала Елена. — Кажется, она встретила знакомого в конце твоего сада. Он уже четверть часа беседует с ней весьма доверительно, чтобы не сказать нежно.

— Боги милостивые! — воскликнула Харита. — Это же мой Дамастор! Вот, я тебе говорила, Елена, я тебе говорила!

VII

Гермиона была дочерью Елены, но отцом её был Менелай.

От него она унаследовала тёмные волосы, чёрные глаза и ту же царственную осанку. Она держалась как человек, который знает себе цену. Елена была царицей от рождения, Гермiona — по наследству. Сама она не была красива, но напоминала о красоте, а характер имела превосходный. Мир, полагала она, можно привести в порядок умом и решительностью. Она была готова внести свою долю. Теперь она стояла перед Еленой — высокая, стройная, вполне непринуждённая — и недоумевала, зачем мать её позвала.

— Гермiona, я обнаружила, что здесь, в Спарте, обо мне ходят какие-то сплетни. Возможно, ты сумеешь их объяснить.

— Какие именно, мама?

— Значит, ты о них слышала. Мне необходимо по возможности узнать их источник, чтобы положить им конец. Сплетни всегда досадны и обычно совершенно излишни.

— Иногда, мама, они неизбежны.

— Никогда, — сказала Елена. — Я встречала людей, которые так считали, но не разделяю их взгляда. Впрочем, нас этот вопрос едва ли касается. Я хочу разобраться в историях, где предстаю в довольно неприглядном свете. Когда ты впервые о них услышала?

— Я предпочла бы забыть о них, а не обсуждать, мама.

— Сначала мы с ними покончим, а потом забудем, — сказала Елена. — Поскольку историй несколько, какую ты услышала первой и когда?

— Есть легенда, — сказала Гермiona, — будто ты бросила мужа и бежала с Парисом в Трою. Я впервые услышала её сразу после твоего отъезда.

— Но это не сплетня, — сказала Елена, — это правда.

— Если это не сплетня, то я не знаю, что такое сплетни.

— Вижу, что не знаешь, — сказала мать. — В сплетне всегда есть какая-то ложь, что-то злонамеренное и порочащее. По-моему, сплетня — это, например, история, которую я вчера услышала от Хариты. Она говорит, что в Трое меня вообще не было. Парис увёз меня против воли, а заодно и кое-какую ценную мебель. Ветер отнёс нас в Египет... Ты знаешь эту нелепую сказку? Вот это я и называю сплетней. Что мне было делать в Египте? И разве я уехала бы с Парисом, будь он вором?

— Мебель пропала, — сказала Гермiona, — и ты должна признать, мама, что естественнее всего было обвинить Париса, раз уж он... ну, раз он сделал то, что сделал.

— Что же он сделал? — спросила Елена. — Ты тогда была младенцем; мне хотелось бы послушать, как ты расскажешь об этом случае. Возможно, именно тебе сплетня обязана своей злонамеренностью. Парис меня не похищал, как ты собиралась сказать: я вполне согласна была уехать. Но если бы он меня похитил, мне хотелось бы думать, что на мебель у него уже не осталось бы внимания.

Гермiona промолчала.

— Ну? — сказала Елена.

— Мама, это ужасный предмет, я предпочла бы его не касаться, — сказала Гермиона. — Девушке не следует обсуждать такое со своей матерью.

— Что именно? — спросила Елена.

— Характер человека, который... который тебя соблазнил, — сказала Гермиона.

— Никто меня не соблазнял, и твоего мнения о Парисе я не спрашивала. Когда он видел тебя в последний раз, тебе был год. Я хочу узнать то, что ты, возможно, можешь мне сказать: откуда взялись эти сплетни?

— Если ты настаиваешь, чтобы мы объяснились, — сказала Гермиона, — думаю, тебе не следует отклонять разговор от его естественного хода. Я не хотела ничего говорить, но, раз уж мы об этом заговорили, речь идёт о Парисе. Разумеется, когда он уехал, у меня не было о нём никакого мнения, зато теперь есть. Я о нём невысокого мнения. Он умер — и всё такое, но его поведение казалось мне и по-прежнему кажется возмутительным.

— По-моему, он не мог поступить иначе, — сказала Елена. — Ты согласишься, что у меня было больше возможностей понять его. Но дело не в этом. Откуда взялась такая история? Ты знаешь?

— Раз уж ты непременно хочешь выяснить, — сказала Гермиона, — все эти истории я выдумала сама.

— Именно это я и поняла со слов Хариты, — сказала Елена. — Рада, что у тебя хватило откровенности признаться.

О Гермиона, как ты могла так лгать? Можешь не отвечать: это следствие того, что я тебя оставила. Тебя некому было воспитывать.

— Ты делаешь мне больно! — воскликнула Гермиона. — И жестокими словами, и тем, как спокойно ты их произносишь! Я стараюсь исполнять свой долг, называю тебя матерью, но мы друг другу чужие. Будь в тебе хоть что-нибудь человеческое, ты поняла бы, почему я делала всё, что могла, чтобы спасти твоё имя, сохранить хоть самую безумную надежду на ошибку, поддержать хоть немного доброго мнения о тебе к твоему возвращению — если бы ты вернулась. Не смотри на меня так: ты не имеешь права! Если бы моя дочь говорила мне такую правду, какую я говорю тебе, мне было бы стыдно — я не могла бы сидеть такой сияющей и безмятежной!

Елена оставалась сияющей и безмятежной.

— Благопристойность, основанная на лжи, — сказала она. — Вот что подсказала тебе любовь ко мне. Я уже видела такие попытки, Гермиона. Ты очень похожа на отца. И на мою сестру тоже, с прискорбием замечаю. Кстати, ты виделась с Орестом в моё отсутствие?

— Время от времени, — сказала Гермиона, — то есть не очень часто.

— А если бы и часто? — спросила Елена. — Ведь это не было бы преступлением?

Гермиона промолчала.

— Можешь не краснеть, — сказала Елена. — С тобой пока ещё говорит не твоя дочь, а всего лишь мать, которая смущает тебя своей склонностью к искренности. Вообще-то я не сомневаюсь, что с двоюродным братом ты виделась часто.

Гермиона промолчала.

— В этом нечего стыдиться, — продолжала мать. — Мы когда-то собирались выдать тебя за него, и, полагаю, ты ему нравишься. Я спросила лишь затем, чтобы немного лучше разобраться в твоём характере. В том, что касалось меня, тебе не достало мужества, но это я могла бы простить: ты молодая, а мой случай необычен. Однако мужества говорить правду о собственной безупречной жизни у тебя должно хватать. Ты думала, что эти необыкновенные истории улучшат мою репутацию; скажи, что может выиграть твоя от недостатка откровенности?

— Наверное, Орест бывал здесь часто, — сказала Гермиона, — но мне так не кажется. Возможно, потому, что я его люблю, как и он меня. Мне следовало раньше тебе сказать, но я думала, что он тебе не нравится.

— Он мне не нравится, — сказала Елена, — но я и не собираюсь за него замуж. А ты? Видишь, в какое затруднительное положение ты себя поставила. Если бы ты хотела выйти за него, но отказалась из-за моего неодобрения, я знала бы, что ты ценишь моё мнение, — и что влюблена не до конца. Но если ты всё равно выйдешь за него, а уважение к моему мнению проявляешь лишь тем, что скрываешь свои намере-

ния, то мне это не льстит и счастья в твоём браке я не предвижу. В браке, как нигде, нужно мужество следовать своим убеждениям, по крайней мере вначале.

— Ты так меня обижаешь, — воскликнула Гермиона, — что мне хочется высказаться достаточно прямо, чтобы даже ты осталась довольна! Не знаю, мужество ли это следовать своим убеждениям или просто злость, но мне не нравится ни твоя храбрость, ни человек, с которым ты сбежала, ни твои представления о сплетнях! Я всё ещё почему-то хочу — сама не знаю почему — оградить тебя от вещей неприятных, но неизбежных. Я не так стара, как ты, но и очень молодой себя не чувствую. Я выросла, наблюдая за тем, что ты называешь своей необычной судьбой, и без малейшего стыда признаю, что я старомоднее тебя. Мне нравится благопристойность, которой ты, кажется, боишься; я хочу любимого, с которым смогу жить спокойно и которому буду верна; в моём доме будет порядок. Жалею, что пыталась спасти твою репутацию, раз ты предпочитаешь обратное, но большого вреда я не причинила: никто из твоих друзей по-настоящему мне не верил. Я поступала так из чувства долга; любить тебя мне не за что, благодарить тоже. Ты никогда не сделала меня счастливой, никогда никого не сделала счастливым, даже тех, кто тебя любил: ни моего отца, ни Париса, никого. Парис должен был понимать... Он был дурак, что увёз тебя.

Гермиона несколько удивилась собственному негодованию и пылу, но в целом осталась ими довольна. Она чувство-

вала, что наступил важный момент. Елена, как ни странно, тоже казалась довольной.

— Теперь ты говоришь правду, — сказала она. — Слава богу, ты начинаешь, хотя и с самой низшей ступени, с которой мы так часто начинаем: с неприятных слов о других. Но я предпочитаю слышать это, а не твои глупые выдумки. Всё верно: тебе не за что меня любить и не за что благодарить. Что до Париса, я часто спрашивала себя, почему он меня любил. Подозреваю, по той же причине, по какой твой отец не убил меня в ту ночь в Трое. Я говорила Парису ровно то, что сейчас сказала ты: я никого не сделала счастливым. Я говорила ему и о том, что ни один мужчина не сделал счастливой меня; что обещанное вечное блаженство окажется лишь мгновением, кратким и неуловимым; что наша страсть принесёт несчастье, а ему, вероятно, смерть. Он знал, на что идёт, и, не могу сказать, что по глупости, выбрал нашу любовь. А возможно, выбора и не было. Но твой отец уж наверняка знал всё худшее, когда пришёл ко мне с мечом в руке и намерением убить. Он имел на это полное право, и я думала, что он меня убьёт. А может быть, и не думала.

Гермиону досадовало, что мать не сердится. Казалось, теперь ей следовало что-то сказать, но она не могла собраться с мыслями и вдруг почувствовала себя совершенно обессиленной. Она уже довольно долго стояла; теперь села на ложе рядом с матерью.

— В фактах ты права, — продолжала Елена, — но кое-

чего в них ты ещё слишком молода, чтобы понять. Я должна была сделать тебя счастливой: свой ребёнок должен быть счастлив. Но не возлюбленный; здесь я никаких обязательств не признаю. Если бы мы только заранее знали и принимали всё, что из этого следует: счастье — последнее, чего стоит просить у любви! Божественное постижение жизни — да, пробуждение к миру вокруг и к собственной душе, но не счастье. Гермiona, мне хотелось бы уже сейчас научить тебя тому, что любимый мужчина или любимая женщина — лишь повод для мечты. Чем сильнее любовь, как мы говорим, тем яснее и достовернее кажется видение. Сделать влюблённого в тебя человека совершенно счастливым — противоречие в самом определении: если он действительно любит, он увидит в тебе гораздо больше, чем ты есть, а когда окажется, что ты меньше того, что он видит, он будет несчастен.

— Тебе не кажется, что твой случай особенный? — спросила Гермiona. — Для тебя любовь, возможно, и есть такое ненадёжное мучение, но для других людей, насколько я могла наблюдать здесь, это вполне обычное, надёжное счастье. По крайней мере, они не говорят, как ты, выглядят довольными и поздравляют молодых, решивших пожениться.

— Милое дитя, — сказала Елена, — мой случай особенный, как и у всякого, кто познал любовь. Но кое-какой общей мудростью на этот счёт я поделилась бы с тобой, если бы могла. Пытаться бесполезно. Когда влюбишься, тебе придётся всё узнать самой.

— Я влюблена, — сказала Гермиона. — В Ореста.

— Да, дитя, влюблена, но не глубоко. Полагаю, он пока ещё ни разу тебя не разочаровал.

— Ни разу!

— Начальная пора, — сказала Елена. — Прежде чем разочароваться, надо создать иллюзию.

— На сплетни я теперь смотрю по-новому, — сказала Гермиона, — и постараюсь понять твоё представление о любви. Можно задать тебе личный вопрос? Полагаю, эта теория должна относиться и к тебе, а не только к мужчинам, которые тебя любили. Для тебя любовь тоже всегда была ошибкой?

— Никогда не ошибкой, — сказала Елена. — Всегда иллюзией.

— Значит, когда ты бежала с Парисом, любила ты, в сущности, не Париса, как выяснилось потом?

— Можно сказать и так: не настоящего Париса.

— Но ты признаешь, что у тебя не было того оправдания, которое ты даёшь мне, — неопытности, — сказала Гермиона. — Ты уже любила моего отца и, полагаю, обнаружила, что он тоже не то, чего ты хотела. Тебе не следовало обманываться во второй раз.

— Я вышла за твоего отца замуж, — сказала Елена, — но никогда не говорила, что любила его. Впрочем, чтобы не потрясти тебя и не представить себя в ложном свете, скажу: я всегда была привязана к Менелаю, а муж он безупречный. И всё же твой довод не попадал бы в цель, даже если бы я пита-

ла к нему страсть. Тогда мне пришлось бы признать, что любовь к Менелаю принесла такое же разочарование, как любовь к Парису; но, возможно, иллюзия, связанная с Парисом, была мне дороже. Влюбляешься именно в иллюзию. И сколько бы раз это ни случалось, как бы хорошо ты ни знала, чем всё кончится, ещё одной иллюзии всегда рада: ведь лишь пока она длится, нам открывается видение самих себя такими, какими мы могли бы быть в лучшем своём воплощении. В этом смысле, как я понимаю, любовь — болезнь, и неизлечимая.

— Тогда, — сказала Гермiona, — если человек однажды вызвал в тебе это божественное видение самой себя, можно было бы сохранить счастье, больше никогда с ним не встречаясь?

— Глубокое прозрение, — сказала Елена, — но такая мудрость была бы нечеловеческой.

— Ещё один вопрос, мама: отец думает так же, как ты?

— Сомневаюсь, но никогда нельзя знать наверняка, — сказала Елена. — Твой отец давно уже не излагал мне сколько-нибудь подробно своих взглядов на любовь.

— Уверена, он бы с тобой не согласился, — сказала Гермiona, — и я тоже не согласна. Твоя хвала правде придаёт мне смелости сказать: я не думаю, что все мои знакомые, кроме тебя, ошибаются и что их кажущееся счастье — иллюзия. Для себя я хочу того счастья, которое, по моему убеждению, у них действительно есть. Никогда не пойму, как ты,

такая красивая и умная, с мужем, которого сама выбрала из стольких прекрасных женихов, могла погубить себя ради этого человека из Азии. Я пыталась представить, что творилось у тебя в голове, когда ты с ним бежала, но не могу.

— Да, в этом отношении, — сказала Елена, — ты потеряла довольно заметную неудачу. Возвращаясь к сплетням, которые ты распространяла. Ты сказала Харите, что я уехала, потому что ничего не могла поделать: Парис увёз меня силой.

— Это казалось самым добрым объяснением.

— А, значит, был выбор? От чего я избавлена? Какие были другие?

— Ах, мама, какой в этом смысл? — сказала Гермiona. — Я призналась насчёт историй и, раз они тебе не нравятся, сожалею. Своим допросом ты только сердишь меня. Я старалась поступить правильно, а ты заставляешь меня чувствовать себя низкой.

— Если ты старалась поступить правильно, у тебя нет причин чувствовать себя низкой, — сказала Елена. — Но подозреваю, что тебе и тогда было не по себе. Я считаю тебя слишком умной, чтобы предположить, будто ты верила, что знаешь, о чём говоришь.

— Я знала, что делаю: я лгала ради тебя и ради всех нас. Я могла придумать не одну ложь и старалась выбрать лучшую. Первая мысль не годилась — я взяла её из старинной поэзии: там так часто бывает, что боги чарами обманывают

влюблённого, он не знает, кого заключает в объятия, а потом пелена спадает с глаз и он понимает, что его провели. Сначала я была в таком отчаянии, что хотела сказать: Афродита тебя заколдовала, ты думала, что это Менелай, а оказался Парис. Не улыбайся: на эту затасканную поэзию я потратила немного времени. Ещё можно было сказать, что ты ушла с Парисом добровольно, но это было настолько явно бесчестно, что никакими объяснениями оправдать нельзя. К тому же именно так все и думали. Я поняла: остаётся только сказать, что Парис увёз тебя силой.

— Очень странно, если вспомнить, что я только что говорила тебе о любви, — сказала Елена, — но твоя первая мысль — вовсе не затасканная поэзия. Расскажи ты эту историю, я никогда не назвала бы её сплетней, потому что это правда. Парис не мог похитить меня против воли. В каком-то смысле я ушла сама. Но в самом глубоком смысле та история была бы правдой: это были чары.

— Ну уж нет, мама, это слишком! Только не это — не теперь, после всего!

— Правда, Гермiona, глубокая правда! Всегда кажется, что обнимаешь Менелая, а оказывается — Парис.

— Даю тебе слово, мама, ничего более циничного я в жизни не слышала!

— Напротив, — сказала Елена, — это одно из самых исполненных надежды высказываний, какие ты когда-либо услышишь, особенно из моих уст. Ты пока не понимаешь, а

многие из тех, кому положено знать, словно не желают говорить: в любви нас всегда влекут естественные чары страсти, а когда они рассеиваются, как неизбежно должно случиться, за ними остаётся либо разочарование, либо прекрасная действительность — дружба, товарищество, согласие. Этого чуда за преходящими чарами я пока не нашла, но всегда искала и упорно верю, что оно может там быть.

— Если бы все жили по твоим правилам, — сказала Гермiona, — не знаю, что стало бы с людьми. Мы не вправе жить собственной жизнью...

— Если мы не распоряжаемся собственной жизнью, — сказала Елена, — мы рискуем начать распоряжаться чужой.

— Я хочу сказать, что мы не одни на свете, — сказала Гермiona. — Ты можешь меня переспорить, но удивительно, что ты не замечаешь, как странно выглядит твоё чувство меры. Ты отчитываешь меня за то, что я распространяла о тебе историю — ложную, признаю, но при данных обстоятельствах необыкновенно великодушную и благоприятную для тебя. А сама проповедуешь здесь своим спокойным голосом, глядя невинными глазами, такие идеи, которые сделали бы нас всех порочными, следуй мы им. Немного солгать с доброй целью кажется мне не таким уж злом по сравнению с тем, чтобы разрушать семьи, вызывать войны и вести людей на смерть.

— Так оно и будет казаться, — сказала Елена, — пока не спросишь себя, с чего начались разрушение семей, война и

смерть. Возможно, обнаружится, что отдалённой причиной была небольшая ложь с доброй целью. Ты сказала: если бы все жили по моим правилам. У меня нет правил, кроме одного — быть как можно искреннее. Конечно, мы не одни на свете, и первое условие сносной жизни с другими, по-моему, — быть с ними совершенно правдивыми. Как может быть добрым то, в чём есть хоть доля лжи? И ты не знаешь, что стало бы с людьми! А что с ними происходит сейчас? С самого возвращения я замечаю, на какие низкие цели можно обратить добрые обычаи наших отцов, правила, установленные мудрыми людьми ради общего счастья. Харита тотчас пришла меня навестить. Что может быть добрее, чем приветствовать старую подругу, вернувшуюся домой? Но какое честное дело могло привести её ко мне, если пришла она не как подруга? Я нанесла ответный визит и теперь вижу её насквозь. Она рассказала мне легенды, которые ты пыталась пустить в ход; конечно же, ей хотелось, чтобы они оказались неправдой. Она надеялась на худшее. Когда она примчалась сюда, ей нужны были свежайшие сплетни, подробности моих самых сокровенных переживаний, чтобы предметнее обсуждать мою порочность с соседями. К тому же у бедняжки самой никогда не было приключений. Я её разочаровала. Она не узнала ничего нового, и её разочарование только подтвердило: я женщина вполне нравственная.

— Мама! Как ты могла? — сказала Гермiona.

— Сейчас я не стану повторять свои доводы, — сказала

Елена. — Я начинаю уставать от себя как от темы разговора, а поговорить хотела о тебе. Но одну мысль оставляю тебе: из всех, кто отправился из-за меня в Трою, я единственная вернулась с неповреждённым нравственным чувством. Если наш разговор хоть немного открыл тебе глаза, понаблюдай за окружающими и за собой — и поймёшь, что я имею в виду. Мы вправе жить собственной жизнью; ты вправе даже выйти за Ореста, хотя я всё ещё надеюсь, что этого не случится. Но это право предполагает другое — страдать от последствий. Если бы я оставалась дома и как следует тебя воспитывала, мне не пришлось бы сейчас говорить, что умные люди должны раскаиваться заранее. Поступай как можно лучше, а если ошибёшься, ничего не скрывай и охотно принимай расплату. Вот что такое нравственность. Здесь я её вижу немного.

— Справедливости ради стоит помнить, — сказала Гермiona, — что в твоё отсутствие Харита была мне доброй подругой. Она бы удивилась, узнав, что ты о ней думаешь.

— Теперь она знает и удивлена, — сказала Елена. — Я считаю её опасной женщиной. Попомни мои слова: она причинит немало зла. Что за юноша её сын?

— Дамастор? Ничего дурного, — сказала Гермiona. — У него нет материнской твёрдости характера, но он безобиден. Он очень предан Харите.

— Что значит «безобиден»? — спросила Елена.

— Ну, он хорошо воспитан, ограждён от жизни, тих и даже для своих лет немного незрел.

— Тебе, должно быть, нравятся такие, — сказала Елена.

— Дамастор? — воскликнула Гермиона.

— Его мать говорит, что он предан тебе.

— Мне? Я его едва знаю! Да, я видела его у матери, но нечасто. Никакой преданности он не проявлял, слава богу! Я считала его просто ребёнком.

— Значит, в последнее время он тебя не навещал?

— Никогда. Кто тебе это сказал?

— Харита. По её словам, он сам ей сказал. Я и сама думала, что это неправда. Очень благопристойная семья. Лгут, полагаю, не больше обычного. Могла бы выбрать и хуже.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ

I

— Менелай, — сказала Елена, — можно с тобой поговорить?

— Я занят. Чего ты хочешь?

— Хочу поговорить о Гермионе.

— А с ней что не так?

— Всё так. Я просто хочу обсудить её будущее. Мы ещё мало о нём думали, а ты, должно быть, чувствуешь, как и я, что о счастье нашего ребёнка нам следует позаботиться вместе.

— Это подождёт, — сказал Менелай. — У меня сегодня утром много дел. Да и не так это важно: Гермiona не несчастна.

— Для меня это важно, Менелай. Гермiona, возможно, и не несчастна — надеюсь, что нет, — но ею слишком долго пренебрегали. Теперь, когда мы снова дома, нам следует присмотреться к ней и устроить ей такую жизнь, которая разовьёт в ней всё лучшее и с годами будет приносить ей удовлетворение. Не понимаю, как ты можешь откладывать исполнение этого долга хоть на минуту.

— Вот уж спасибо! — сказал Менелай. — Если ею пренебрегали, будь добра, скажи: кто? Ты говоришь так, словно я виноват!

— Мы оба её оставили, хотя и по разным причинам, — сказала Елена. — Если хочешь, я возьму вину на себя, но теперь мы вернулись — давай исправим причинённый вред. Полагаю, этого ты тоже желаешь. Для меня сегодня утром нет ничего важнее. Если сейчас ты слишком занят, чтобы об этом подумать, назначь время для разговора. Но ведь на самом деле ты не занят, Менелай. Когда я вошла, ты стоял и смотрел в дверь.

— Хотел бы я, чтобы ты усвоила: человек может быть глубоко занят, даже когда неподвижно стоит и смотрит в дверь. Ты недооцениваешь меня, Елена. Если бы я не думал много и напряжённо, здесь бы всё развалилось. Хозяйство в опасном упадке. Полагаю, я уже немало делаю для будущего сво-

его ребёнка, просто поддерживая имущество в порядке.

— Ты прекрасно ведёшь хозяйство, Менелай; никто не ценит этого больше меня. Именно поэтому я и хочу поговорить о Гермионе: нам нужен твой совет, пока она не связала себя слишком далеко идущими обязательствами.

— Какими ещё обязательствами?

— Ну, хотя бы перед будущим мужем.

— А... Орест.

— Это одна из возможностей, — сказала Елена. — Она думает, что влюблена в него.

— Хорошо! — сказал Менелай. — Значит, решено. Что-нибудь ещё?

— С Орестом мы пока не закончили, — сказала Елена. — Я не считаю хорошим, что она воображает себя влюблённой в него. Сомневаюсь, что она знает, что такое любовь. Она твёрдо решила выйти за него.

— Можно мне ещё раз сказать «хорошо», раз уж ты спрашиваешь моего совета? Почему бы им не пожениться? По моему, мы давно об этом договорились.

— Именно. Давно. С тех пор мы многое узнали. Для чего же нужен опыт? Орест не годится в мужа моей дочери.

— Ты имеешь в виду нашу дочь? Мне приятно, когда меня тоже принимают в расчёт, особенно спрашивая моего совета. Вообще-то я знаю, чего ты добиваешься, Елена: ты уже что-то решила и теперь исподволь мне об этом сообщаем. Моёго совета спрашивают не впервые. Так пойми, пожалуйста,

раз и навсегда: если Гермione нужен Орест, меня он устраивает. Да и о соперниках я не слышал. Если подумать, мы с тобой не видели его... с каких пор? При встрече и не узнали бы. Гермiona знает его гораздо лучше нас: насколько я понимаю, их отчасти сблизили общие заботы об отсутствующих родителях. Что она о нём говорит?

— Говорит, что влюблена в него. Ничего определённое. Лично я его, конечно, не знаю, зато знаю его мать, а ты знаешь его отца — это самое вежливое, что можно сказать. На кого-нибудь из них он должен быть похож.

— Не могу сказать, что твоя сестра мне когда-нибудь нравилась, — сказал Менелай, — но об Агамемноне ты могла бы отзываться любезнее: ты часто одобряешь его взгляды — во всяком случае, обычно принимаешь его сторону против меня, — а он неизменно с тобой учтив. Один из твоих поклонников, по существу. Но что бы ты ни думала о нём и Клитемнестре, несправедливо возлагать вину на Ореста.

— Кровь скажется, — сказала Елена. — Я всегда считала ту ветвь семьи слабым местом.

— Клитемнестру — слабой? — воскликнул Менелай. — Ты знаешь свою сестру? Я давно сказал Агамемнону, что жениться на ней — поступок храбреца. Теперь он мне поверит, если когда-нибудь закончит со своими кострами и вернётся домой. В тот вечер, когда мы расстались, я намекнул, что он не особенно торопится вновь увидеть жену. Он ещё вспомнит мои слова.

— Что ты, собственно, хочешь сказать?

— Ну, раньше мне не хотелось тебе рассказывать: всё-таки она твоя сестра. Это одна из вещей, о которых я думал, когда ты вошла. Этеонеус говорит, что Клитемнестра покончила с Агамемноном: она совершенно открыто живёт с Эгисфом и намерена объясниться с моим братом, когда он вернётся. Будет ужасная ссора. Мне жаль Эгисфа, чем бы всё ни кончилось. Если бы я только знал, где сейчас Агамемнон... Когда ты вошла, я как раз размышлял, как помочь ему, не оказавшись в неловком положении у порога Клитемнестры.

— Она никогда не умела обращаться с мужем, — сказала Елена, — и, хотя Агамемнон мне не нравится, я всегда ему сочувствовала. Любой мужчина заслуживает определённого отношения со стороны жены. Если она на это не способна, ей следует уйти. Но я не понимаю, каким образом поведение Клитемнестры служит доводом за то, чтобы выдать нашу дочь за её сына.

— Никаким, — сказал Менелай, — как и доводом против. Не осуждай Ореста, пока мы его не узнали. Почему бы не послать за юношей и не посмотреть, что он собой представляет. Или подождать, пока придёт сам: Этеонеус говорит, он скоро будет.

— Откуда он знает?

— Вообще-то не знает, но говорит, что Орест бывал здесь через определённые промежутки времени и скоро его можно ожидать снова.

— Значит, Этеонеус поощрял эту связь за моей спиной?

— Послушав его, ты бы так не подумала, — сказал Менелай. — Кажется, он любит Ореста ещё меньше, чем ты. Они поссорились, обругали друг друга, если верить нашему при-
вратнику, и, полагаю, о худшем он мне не рассказал. В об-
щем, он на твоей стороне.

— Тогда он, вероятно, привёл какие-нибудь разумные до-
воды против Ореста. Что он о нём говорит?

— Раз уж ты настаиваешь, — сказал Менелай, — он бо-
ится, что Орест слишком похож на тебя. Во взглядах, разу-
меется.

— Это в нём от матери, — сказала Елена. — Этеонеус
никогда меня не понимал. Уверена, юноша — вылитая Кли-
темнестра: дети обычно идут в родителя другого пола.

— Вздор! — сказал Менелай. — Детей нельзя объяснить
так просто. К тому же это значит заставлять их отвечать за
родителей, а это несправедливо. На деле они обычно ведут
себя гораздо благоразумнее.

— Редко это бывает их заслугой, — сказала Елена. —
Скорее следствием незрелости или дурного воспитания.

— Опять! — воскликнул Менелай. — Как ты надеешься
убедить здравомыслящего человека, что благоразумное по-
ведение — результат дурного воспитания?

— Не следует быть благоразумными в таком возрасте, —
сказала Елена. — Это дурной признак. Это значит начинать
не с того конца. Молодость должна начинаться с любви к

жизни. Благоразумие — вид осторожности, умение сдерживать свои порывы; но прежде, чем их сдерживать, надо их иметь. Или это своего рода предусмотрительность; но как можно что-то предусмотреть, не накопив знаний о мире? И как накопить опыт, если с самого начала его избегать? В молодости нет ничего лучше любви к жизни. А вот её-то у них и нет, поэтому их благоразумие, по-моему, совершенно пустое.

— Судя по тому, что я слышал о молодых людях, — сказал Менелай, — любви к жизни у них столько, сколько мы едва можем вынести. Этеонеус такого мнения о Гермione и Оресте, и, полагаю, он прав.

— С каких пор ты обращаешься за философией к своему привратнику, Менелай? Этеонеус, по-моему, преданный служака — и очень невежественный человек. О жизни он знает столько, сколько можно увидеть с порога. Мне кажется, ты надо мной подшучиваешь. Нельзя ли серьёзнее?

— Я серьёзен. Могу быть ещё серьёзнее, если ты действительно этого хочешь. Но прежде позволь заметить: я ни за чем не обращался к Этеонеусу — он сам пришёл ко мне. Иногда он покидает порог ради нескольких минут в моём обществе, и, хотя я не сам выбираю его в собеседники, он далеко не дурак. Но если серьёзно, как ты говоришь, раз уж ты не оставишь меня в покое: что всё это значит — дурное воспитание Гермioneы, отсутствующая у неё любовь к жизни и муж, который ей нужен? Сегодня утром, Елена, я рассеян

из-за известий об Агамемноне, и всё прочее кажется мне менее важным, чем, возможно, оно есть. Чего ты хочешь?

— Твоего внимания, — сказала Елена, — и, если сейчас получить его нельзя, я подожду. Но Гермione, по-моему, грозит опасность, от которой мы могли бы её спасти, если бы действовали быстро; а поскольку, боюсь, она оказалась в этой опасности из-за моего ухода, теперь я сделаю всё, чтобы её спасти. Если мы не помешаем, она выйдет за Ореста, а этот брак, я уверена, принесёт ей одно несчастье. Она не видела других мужчин своего возраста, кроме Ореста и Дамастора, сына Хариты. На таком фоне Орест должен казаться богом. Обычно всё дело в сравнении. Когда-нибудь она встретит настоящего мужчину и пожалеет, что поспешила замуж.

— Вот как! — сказал Менелай. — Вот... как!

— Ей нужен опыт, опыт, — продолжала Елена, — и как можно скорее!

— Ах, вот что ей нужно? — сказал Менелай. — Что ж, возможно, я смогу устроить, чтобы кто-нибудь сбежал с ней, не женившись, а через некоторое время она сумеет выбрать мужа, от которого ей уже не захочется убегать. Будем считать, что договорились. У тебя есть кто-нибудь на примете для пробного полёта?

— Сейчас ты, конечно, говоришь несерьёзно, — сказала Елена. — Но знаешь, это была бы неплохая мысль, если бы её можно было осуществить. Полагаю, нельзя, да и за преде-

лы моих намерений она несколько выходит. К тому же пользы не будет, она ничему не научится, если нет человека, с которым ей хочется бежать, а такого, думаю, нет.

— Разве это не должно тебя несколько успокоить? — сказал Менелай. — Судя по твоим словам, я решил, что она бежит сегодня после обеда. Лично я считаю Гермionу уравновешенной, разумной и надёжной. Она меня очень утешает. Почему бы тебе не позволить ей жить своей жизнью, как ты жила своей?

— Менелай, неужели ты не понимаешь? Именно этого я для неё и хочу, но именно этого она никогда и не сделает. Если бы у Гермionы был мой нрав, я бы о ней не тревожилась: я была бы уверена, что она проживёт собственную жизнь, как ты говоришь, и, ошибётся или нет, ничего не упустит. Но она полна убеждений и предрассудков: чего ждёт от неё свет — будто свету есть до неё дело; что она должна самой себе — будто жизнь взыскивает долг. А много ли она знает о свете или о самой себе? Все её представления поверхностны, сентиментальны, чисто внешние; она составила себе картину вещей по этому тесному кругу соседей и думает, что знает вселенную. Бедное дитя! Её сердце спит. Когда-нибудь оно проснётся, и тогда она может стать страшной. Клитемнестра в девичестве была именно такой: самоуверенной, глупой и сентиментальной. Она вышла за Агамемнона во многом потому, что ты женился на мне: двойной союз казался ей романтическим. Уверена, Гермiona видит нечто трогательное и

милое в том, чтобы выйти за двоюродного брата и укрепить семейные узы. Я не назову её благоразумной: она слепа. Не будь она так похожа на тётку, я бы не тревожилась. Девушка без скрытой силы характера могла бы выйти замуж сейчас, как ей хочется, на досуге обнаружить свою ошибку и найти убежище в удобной жизни, понемногу подавляя себя, как Харита. Таких полный свет, и по крайней мере они в безопасности. Но, если я знаю свою дочь, она поймёт ошибку, когда откроет в себе великую страсть, и не будет знать, что с ней делать, — просто впадёт в неистовство. Таким людям приходится плохо, когда их захватывает любовь к жизни, а они считают, что уже поздно.

— Не уверен, что понимаю, что такое любовь к жизни, — сказал Менелай. — Ты часто употребляешь это выражение, и, как другие твои выражения, оно имеет критическое остриё, которое, кажется, направлено в мою сторону. Полагаю, ты говоришь о чём-то, чего, по-твоему, мне недостаёт. А я, право, думаю, что люблю жизнь вполне достаточно: мне никогда не хотелось умереть. Я любил свой народ и свой дом. Я любил тебя, Елена, как умел, довольно долго. Я очень люблю Гермину. Я что-нибудь упустил?

— По-своему ты меня любил, думаю, — сказала Елена. — Согласимся, что больше, чем я заслуживала. Но за это я тебя не благодарю, Менелай. Любовь случается с нами, мы не властны над собой, и настоящая страсть — не комплимент, не подарок и не свидетельство великодушия влюблённого. А

вот за твою доброту и терпение, когда ты меня не понимал, я могу тебя поблагодарить. Полагаю, мы не дальше друг от друга, чем большинство мужей и жён, и в конце жизни будем вспоминать главным образом, как долго были друг другу спутниками. Но, Менелай, как мне хотелось, чтобы Гермiona узнала настоящую любовь! Чтобы страсть и сердечная боль пришли к ней молодой, пока ни тело, ни душа ещё не притупились, когда восторг живёт в чувствах, а кажется, будто в душе! А потом, когда тело ослабеет и состарится, чтобы восторг и впрямь оказался в духе, чтобы их две души слились в этом пламенном счастье! Или, если эта радость ей не достанется, пусть хотя бы подойдёт к ней так близко, чтобы знать: она возможна, — и всегда думать о ней с тоской и ею мерить жизнь. С кем-то это должно случаться, Менелай, и мне хотелось этого для неё. Те, кому это дано, по-моему, никогда не стареют, не падают духом и не теряют интереса к жизни; они могут страдать, но мир для них остаётся прекрасным. Они могут дать сердцу волю: оно не остынет, не измельчает, не исказится.

— Ты откровенна, — сказал Менелай. — Я рад, что ты мне сказала... Полагаю, рад. Подозреваю, речь у тебя не о молодом поколении. Что ж! Значит, вот что ты называешь любовью к жизни?

— Нет, это любовь, — сказала Елена.

— Раз уж мы об этом заговорили, можно выслушать и остальное, — сказал Менелай. — Ты можешь коротко опре-

делить, чего именно недостаёт молодым?

— Я просто хотела сказать, что они не любят жизнь так, как следовало бы, — сказала Елена. — Обычно мы делаем вид, что любят: ведь кажется естественным в молодости радоваться открывающемуся перед нами миру. Но они относятся к нему очень осторожно и серьёзно. Разве ты не замечал, что прежде всего они видят недостатки и ко всему относятся крайне критически? Любовь к жизни не случается с нами сама собой, как та, другая любовь. Полагаю, это искусство, которому учатся упражнением, и учатся долго. Когда мы наконец им овладеваем, молодость, вероятно, уже прошла. Возможно, от этих детей и нельзя ждать любви к тому, о чём они так мало знают. Они боятся жизни: боятся не преуспеть, не вступить в брак или ещё чего-нибудь. Когда страхи исчезают, они испытывают такое облегчение, что устраиваются на покой и больше никогда не рискуют. Только так я могу объяснить большинство встреченных мною людей.

— Но почему ты так объясняешь Гермину? Насколько я вижу, она полюбит жизнь, если ей дать возможность. До сих пор, согласись, у неё было больше поводов для тревоги, чем положено молодым. И даже при этом, хотя я не считаю себя знатоком подобных вещей, мне казалось, что она справляется довольно хорошо. А если нет, вероятно, Орест её научит: насколько я понимаю, это деятельный молодой человек с современными взглядами.

— О Менелай, ты совсем не понимаешь! Орест неизлечи-

мо серьёзен и опасно решителен, у него нет опыта, нет дара жить и совершенно нет чувства юмора. Все так о нём говорят. Возможно, ты считаешь это хорошей рекомендацией. Он из тех молодых людей, которые замечают изъяны жизни прежде самой жизни и слишком добросовестны, чтобы не исправлять немедленно каждый замеченный изъян. Он исполнит свой долг, чего бы это ни стоило другим; выполнит то, что сочтёт волей небес, даже если придётся кого-нибудь убить. Разумеется, убийство он совершит с самыми возвышенными чувствами и с большой неохотой. Я знаю таких. Он не тот человек, который научит Гермionу: он сам ничему не способен научиться. Разве ты не представляешь, какая жалкая жизнь его ждёт — и любую женщину, которая за него выйдет? Менелай, помоги мне спасти Гермionу!

— Жаль, что мы не можем указать ей на какой-нибудь блестящий пример поблизости — разве что уговорить её повторить твою судьбу.

— Нет, я не хочу, чтобы она повторила мою судьбу, — сказала Елена. — Я хочу для неё гораздо более блестящей и счастливой жизни, в которой будет больше любви. Она мной не восхищается, и я её не виню. Хотела бы я, чтобы у неё было больше от нрава Адрасты. Вот девушка, в которой есть любовь к жизни. Я тщательно её воспитывала.

— Помоги ей боги! — сказал Менелай. — По-моему, у неё больше шансов попасть в беду, чем у Гермiony.

— Я бы сказала, опасность примерно одинакова, хотя при-

чины разные. Этот глупый сын Хариты её осаждает, и при том исподтишка. Матери он говорит, что влюблён в Гермiona. Боюсь, Адраста относится к нему слишком серьёзно.

— Порой, — сказал Менелай, — ход твоих мыслей совершенно от меня ускользает. Ты не хочешь, чтобы Гермiona влюбилась, потому что у неё нет любви к жизни. Не хочешь, чтобы влюбилась Адраста, потому что у неё она есть. Значит, никому нельзя влюбляться?

— Для женщины, — сказала Елена, — влюбиться значит влюбиться в мужчину. Как обычно, ты упускаешь самую суть вопроса. Разумеется, я не хочу, чтобы хоть одна из этих девушек отдала себя человеку, от которого нечего ждать. Орест и Дамастор мало похожи, кроме того, что оба никуда не годятся. В Оресте нет любви к жизни: Адраста раскусила бы его за минуту. Дамастор притворяется жизнелюбом, но в глубине души он трус, каким его воспитала мать. Надеюсь, Адраста вовремя это поймёт. Как бы мне хотелось, чтобы здесь был Пирр.

— Пирр — сын Ахилла?

— Да.

— Зачем тебе Пирр?

— Я хотела бы видеть его своим зятем, — сказала Елена.

— Вот теперь всё и выяснилось! — сказал Менелай. — А Гермiona хотела бы видеть его своим мужем? Полагаю, какое-то право выбора мы ей оставим? Она взрослая женщина и в жизни не видела Пирра.

— Да, но всегда есть опасность, что увидит, в любую минуту. Лучше увидеть сейчас, пока не поздно. В нём есть всё, о чём я говорила, и, когда Гермiona его увидит, она поймёт это без подсказки. Если её ещё можно спасти, она отдаст ему сердце.

— Я видел его часто, — сказал Менелай, — и сердца не потерял. Ничего необыкновенного в Пирре нет.

— Ах, нет? — сказала Елена. — А я, право, думала, что есть. Насколько я понимаю, после смерти его отца вам с Агамемноном пришлось просить его о помощи. Возможно, и в Ахилле не было ничего необыкновенного. Не станем спорить о словах. Пирр — именно то чудо, которого я хочу для Гермiony. Когда я думаю о совершенстве, полном страсти, о живой душе, я думаю об этом юноше. И не без причины: он был ребёнком великой любви.

— Незаконным ребёнком, ты хочешь сказать, — сказал Менелай. — Какая-то тёмная история, чего и следовало ждать от Ахилла. Само его рождение было скандалом.

— Ничего подобного!

— Именно скандалом!

— Вовсе нет!

— Ну, хорошо! Полагаю, тебе всё это кажется вполне назидательным. Он переоделся девушкой и таким образом проник в дом Ликомеда, в общество его дочерей. Одна из них вскоре оказалась матерью Пирра. Непременно познакомим его с Гермiony, и как можно скорее!

— Ты несправедлив, Менелай! Это мать пыталась вырастить Ахилла как девушку, потому что знала: он погибнет в бою, — и отчаянно надеялась обмануть судьбу. Я не восхищаюсь её уловкой, но понять её может каждый. Ахилл перестал притворяться, как только вырос настолько, чтобы понять обман. Он никогда не действовал исподтишка. Деидамию никто не обманывал и не предавал!

— Её — разумеется, нет, — сказал Менелай, — но её родителей — да. Эти двое прославленных молодых людей были порочной парой.

— Надо иметь низкую душу, чтобы такое сказать: ведь ты знаешь, что это неправда! — сказала Елена. — Они росли вместе, мальчик и девочка, с детства ближе друг другу, чем брат и сестра; когда пришла пора любви и их окутала её тайна, они потянулись в объятия друг друга так же прекрасно, как прежде сблизились их сердца и мечты. Ахилл любил её до самой смерти. Он оставил её лишь потому, что ты попросил его сражаться за тебя и Агамемнона. Оставил с её отцом Ликомедом, который всегда относился к нему с почтением. Она научила маленького сына чтить отсутствующего отца как бога, а Ахилл радовался каждой вести о ребёнке. Я не вижу здесь следа позора. Я вижу юного героя, который предпочёл короткую славную жизнь обычным годам благоразумного и бессмысленного существования. Вижу влюблённого, который по-настоящему знал свою избранницу, соединился с ней и был совершенно счастлив сам, как сделал счастли-

вой её. Если рождённый ими ребёнок и не чудо, то близок к нему: их любовь была чудесно совершенна.

— Теперь моя очередь кое-что сказать. Говори о любви к жизни сколько хочешь, — сказал Менелай, — и определяй её так, чтобы доказать, что у меня её нет. Но что касается Ахилла, я знал его лучше тебя. По крайней мере, я в этом убеждён. Я никогда не верил тому, о чём шептались в войске: будто во время осады вы с ним тайно встречались.

— Я никогда в жизни с ним не встречалась, — сказала Елена.

— Я в этом уверен, — сказал Менелай.

— Но встретилась бы, будь это возможно, — сказала Елена.

— В этом я тоже уверен, — сказал Менелай. — Однако, знай ты его, ты не хвалила бы так безмерно. Ахилл был легендой. Он поддерживал дух войска и в этом смысле был необходим, но только своим воздействием на умы. Тот Ахилл, которого ты, по-твоему, знаешь, — миф. Значит, он всю жизнь любил Деидамию? Да ведь вся наша ссора произошла из-за той его женщины, Брисеиды!

— Разумеется, или, можно сказать, из-за женщины Агамемнона, Хрисеиды, — сказала Елена. — Ссора шла о добыче, и женщины в ней участвовали, но ни тот ни другой не был влюблён в свою пленницу. Ты прекрасно знаешь, что Ахилл, по крайней мере, с Брисеидой не был близок. Когда твой брат отнял её, он оскорбил его честь, а не сердце. Она,

конечно, любила Ахилла: это было неизбежно.

— Мы вряд ли сойдёмся во мнениях, — сказал Менелай, — да и дело давнее. Во всяком случае, даже если Ахилл обладал всеми добродетелями, откуда этот восторг перед Пирром? За Ахилла Гермiony не выдашь, а Пирр, весьма вероятно, воспротивится твоему доброму намерению женить его на ней. Возможно, он любит нас не больше, чем я его семью. Прежде чем возлагать на него столько надежд, подумай: он не его отец.

— Я думаю, что после отца он лучший, — сказала Елена. — С опытом, возможно, станет ещё замечательнее. Он проявил ту же высоту духа, когда Одиссей приехал за ним по вашей просьбе, а мать не хотела отпускать его на смерть вслед за отцом. Ты помнишь, как юноша отстаивал своё право прожить собственную судьбу, считая, что оставаться в безопасности, когда он вам нужен, — бесчестье. Старый дед был им достаточно горд, чтобы отпустить с благословением. Ты не станешь отрицать, что он закончил за вас войну и вернулся домой с великой славой. Если он её не заслужил, откуда она взялась? Если бы вы с Агамемноном не оценили его подвигов, то не отдали бы ему среди прочей добычи Андромеху, жену Гектора. Я хочу, чтобы Гермiona узнала Пирра. Хотя бы поговорила с таким человеком, несколько дней видела его запросто в доме и составила собственное мнение. После этого пусть выбирает. Ты совершенно прав: возможно, она ему не понравится, но после его приезда она уже не будет

такой невежественной. Пригласи Пирра, Менелай, попроси его приехать немедленно!

— Ни за что! — сказал Менелай. — Под одной крышей мы с ним ночевать не будем!

— Почему же, позволь спросить?

— Я не пущу его в дом, вот почему. Удивляюсь, как я тебя терплю, ты... ты!.. Не могу себе простить, что слушал твою наглость: говорить мне... тебе говорить мне, что ты думаешь о настоящей любви и счастливом доме! До сих пор красота спасала тебя от заслуженного — пусть боги сами себя за это простят! — но ты всё ещё делаешь всё возможное, чтобы зайти слишком далеко. В тебе нет самых простых чувств порядочной женщины! Сначала ты меня провела — сегодня утром, я имею в виду, — своей заботой о будущем дочери. Очень тебя заботит будущее дочери! Рано или поздно ты себя выдаёшь: это твои любовные дела, а не Гермiony — мы должны устраивать! Любой мужчина, старый или молодой, низкий или благородный, какой угодно, лишь бы тебе захотелось сделать из него дурака! Ты любила Ахилла и любишь до сих пор, мёртвого или живого, — значит, я должен пригласить сюда его сына как лучшую замену! Чтобы Гермiona на него посмотрела! Много ей достанется на него смотреть! Парис... Гектор... Ахилл... Я не стану напоминать о годах, но не можешь ли ты признать, что твоё время прошло? И уж какое было время! Во всём нужна мера; ограничь, пожалуйста, свой позор одним поколением!

— Менелай, — сказала Елена, — твоя невоспитанность, когда ты выходишь из себя, не новость, но я не подозревала, что ты так ревнив. Ревность — единственная форма безумия, которая лжёт. Она начинается с намеренного искажения фактов. Если бы я действительно дала тебе повод для ревности и если бы ты когда-нибудь думал обо мне хорошо, ты горевал бы о своей великодушной, но неразумной ошибке; ты не проклинал бы меня за то, что я такая, какая есть, и тем самым уже достаточно проклята. Если бы ты считал меня влюблённой в Пирра, ты не довольствовался бы жизнью со мной и не обрёл бы покоя оттого, что Пирр мне недоступен. Ты не вынес бы жизни со мной, будь я, по-твоему, такой, какой ты меня сейчас назвал. Ты напомнил мне о наших годах. Следовательно, исправлять твои манеры уже поздно. Но ложь я ненавижу в любом возрасте. Постарайся быть честным с собой, Менелай, и столь же откровенным со мной, как я с тобой. Оскорблений от тебя я не потерплю, и можешь знать: ничто правдивое меня не оскорбляет. Подробности моей жизни хорошо известны — во многом благодаря тому, что я сама ничего не скрываю. Твоя жизнь, с сожалением замечаю, гораздо туманнее. Но на этот раз мы поймём друг друга до конца и на равных. Ты хочешь, чтобы я оставалась здесь твоей женой, пользуясь почётом и уважением? О других мужчинах сейчас речи нет: это между тобой и мной. Я тебе нужна? Или ты хочешь меня убить? Если я тебе совсем не нужна, я не останусь ни дня. Если тебе станет легче от мо-

ей смерти, я охотно пойду и принесу твой героический меч. Кажется, ты оставил его в столовой. Но одно из двух. Чего ты хочешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.